

Министерство культуры и молодёжной политики
Самарской области
и Самарская областная писательская организация
представляют в проекте
«Народная библиотека Самарской губернии»
книгу

Михаил Анищенко

Квадрат тумана

Стихи

Русское эхо
2008

ББК 84 (2 Роч=Рус) 6

А 67

Анищенко М.В.

А 67 Квадрат тумана: Стихи. — Русское эхо: Самара, 2008. — 200 с.

ISBN 978-5-9938-0002-8

«Квадрат тумана» — наиболее полное собрание поэтических произведений замечательного писателя Михаила Анищенко, которого Евгений Евтушенко назвал одним из лучших поэтов современной России.

Михаил Анищенко — член Союза писателей России, лауреат премии Николая Островского. Живёт в селе Шелехметь Самарской области.

ISBN 978-5-9938-0002-8

© Анищенко М.В., 2008.

Веничка Ерофеев из Самары

Почему столько читателей, совершенно разные по образованию, по профессии, по возрасту и даже по политическим симпатиям, обычно ссорящим людей, полюбили Венедикта Ерофеева за его прозу, похожую на поэзию, и поэма «Москва — Петушки» стала воистину народной книгой? Её герой отмечен грустной интеллигентинкой пригородного Василия Тёркина, однако не лихим юморком победителя, а незлобивою, но мрачноватой ухмылочкой потерпевшего поражение человека, усаждающего себе жизнь саркастическим коктейлем «Слеза комсомолки». Такими стали не нашедшие своего места в жизни бывшие фронтовики и многие шестидесятники — социальные романтики, оттёртые от руля страны циниками, въехавшими на чужой романтике в личные благоустроенные капитализмы среди всеобщего средневекового феодализма, но с мобильниками, прокладками и бразильцами в футбольных командах. И симпатичный, хотя и несколько опустившийся Веничка, душевный и талантливый в своей откровенности, усмешливый, но сдерживающийся, чтобы не позволить себе несправедливо жестокую ярость, стал для читателей никаким не лирическим героем, а воплощением самого автора. Такие отношения складываются у читателей только с большими поэтами: для всех нас и Пушкин, и Лермонтов, и Есенин, и Анна Ахматова, и Пастернак, и Маяковский — это живые, близкие люди, хотя нам известно и про их слабости и недостатки, которые мы им прощаем, как своей родине.

Прозанки же очень редко воссоздают себя полностью. Мы порой запутываемся в их характерах, а вот у больших поэтов всё как на детской открытой ладошке. Знаете, почему у нас после стольких постшестидесятнических поколений никак не могут появиться «красивые, двадцатидвухлетние»? Да потому что они играют в прятки с читателями, вместо того чтобы открыть свою душу, свою жизнь, свою любовь, таятся, ускользают, избегают исповедальности — и интимной, и гражданской, — и как же можно почувствовать их родными людьми, то есть русскими национальными поэтами?

И вот появился поэт, далеко не 22-летний, но красивый своей мудрой детской исповедальностью, поэт не случайный в компании таких бесстрашно бескожих людей, с ханжеской точки зрения, не-

путёвых, зато умевших быть нежными к родине, женщинам и природе, как Сергей Есенин, Николай Рубцов, да и Веничка Ерофеев. Есть у Михаила Анищенко черты и других сильных поэтов — Юрия Кузнецова и Сергея Клычкова, но всё это не вычитанное, а вчитанное.

Когда я прочёл три его стихотворения, напечатанные Олегом Хлебниковым, то сразу понял, что наконец-то пришёл долгожданный большой русский поэт. Михаил Анищенко — лучший подарок читателям поэзии за последние лет тридцать, если не больше.

Михаил родился в рабочей семье. Родители были литейщиками, да и он сам — поначалу. Но крестьянская кровь предков сказалась в характере, потянула к природе, к народным песням, а потом уже и к собственным стихам. В 1977 году его приняли в Литературный институт. В 1979-м вышла в Самаре первая книга — «Что за горами». ЦК комсомола дал ему премию Николая Островского. Комсомольским боссам требовались поэты, которых можно было бы выставить против шестидесятников. Но Анищенко не давался в руки, как, впрочем, и Рубцов, с которым у меня была самая братская дружба.

Но, как Есенина и Рубцова, московская псевдобогемная воронка закрутила, завертела Мишу. Его трижды исключали из института — за что, объяснять не надо, — и он получил диплом лишь в 1988 году. Каким-то образом во время перестройки стал одним из помощников самарского мэра. Но, увидев, как люди не выдерживают испытания властью и деньгами, проникся идиосинкразией к политике. Уехал в деревню, несколько лет пытался жить одним огородом. Раздражал своей откровенностью и непохожестью тех, кто любит паханствовать. Из зависти и в отместку его начали преследовать, даже избивали. Когда я дозвонился до него и спросил, чем он занимается, невесело ответил: «Бомжую...». А потом прислал мне две дискеты со стихами — одно лучше другого.

Такие люди иногда валяются на дорогах.

Но такие поэты на дороге не валяются.

Не прогляди этого поэта, Самара. И ты не прогляди, Россия. Мы же тебя называем Россией-матушкой. Так будь матерью своим поэтам.

Евгений Евтушенко

1

Час неровен

Калейдоскоп

(По Верлену)

На улице старой, в аллее мечты
Все грустные люди на тени похожи.
Я к ним подхожу: это ты? это ты?
Но люди бегут, как мурашки по коже.

В опавшем лесу, где вздыхают грибы,
Где жёлтые травы под ноги ложатся,
Примяты приметы, а знаки судьбы
Горят на ветру и в потёмках кружатся.

На улице старой, в аллее мечты,
Убили шарманки тоску звездопада.
Всю ночь валерьянку глотают коты,
Смеются паяцы в лицо маскарада.

Но взрыв фейерверка и хохот чертей
Опять разрывают ведения в клочья.
Одни лишь гетеры в тени тополей
Стоят на пути моём, как многоточья.

Плюются с балконов на них старики,
Помёт голубиный по окнам сползает.
Бегу наугад я — на запах реки,
Река подо мною до дна промерзает.

Один среди льда я, один посреди
Великого сна, беспрерывной мороки.
И, как изваянья, стоят впереди
Последние сроки. Последние сроки.

Девятое ноября

[illegible]

Высокая топится печка, беспечен и молод отец,
И тихо стоит на крылечке неведомый день-реченец.

А дождик всё тише и тише, у бабушки слёзы текут...
И я уже знаю, что Мишей сегодня меня нарекут.

Мне плакать, смеяться и греться.
Куда не посмотришь — родня.
И смерть из отцовского сердца
с восторгом глядит на меня.

1955 год

Я — уродец. Я хилый и слабый,
Я часами сижу у окна.
Там рождается снежная баба
Из какого-то дивного сна.

В золотой темноте, хотя стрелки
Только-только подходят к пяти,
Строят город, играют в горелки...
Я один на земле — взаперти.

На столе порошки и малина.
Я последний на свете дурак:
Воспаление лёгких, ангина...
Продуваемый ветром барак...

Слышу маму — от вздоха до вздоха.
Вот отец, словно ветер, вошёл...
Оттого, что мне больно и плохо,
Я не знаю, что жить хорошо.

Разорвав одеяла и путы,
Меж растерянных рук и сердец
Я умру на четыре минуты,
Как расскажет соседям отец.

Я умру. И вернусь. И не вспомню
Чёрно-белое злое кино...
Но наутро горячей ладонью
Растоплю ледяное окно.

Растоплю. И присвистну: «Не слабо!
Крепостная сияет стена!».
А за лавочкой снежная баба,
Но как девочка — плачет она.

Пришествие

Повторенья останутся в силе,
Как приливы воды и зари.
Я упал, и очнулся в России —
На соломке с иголкой внутри.

Я упал, я разбился, распался,
И теперь, в неизвестном селе,
Я не знаю, — откуда я взялся,
Только помню, как плакал во мгле.

За душою туман и позёмка,
На столе самогон и стряпня.
А на кухне хлопочет бабёнка,
Та, что здесь приютила меня.

За окном гроыхает телега,
Над телегой летят журавли.
Это — вечная тайна побега,
Это — вечная тайна Земли!

Первый снег

На тёмном крыльце, замерзая,
Теряя ко мне интерес,
Ты что-нибудь знаешь, родная,
Про снег, убежавший с небес?

Здесь ночи из чёрного крепа,
И голос прощальный дрожит...
Зачем же он с ясного неба
На тёмную землю бежит?

Прощаясь со мной на пороге,
Скажи, на ладони дыша,
Зачем он лежит на дороге,
Растоптанный, словно душа?

И нет в нём ни злости, ни гнева.
И кто в том, скажи, виноват,
Что снег, убегающий с неба,
Не помнит дороги назад?..

Рубеж

Выйду к берегу устало,
Заслоню лицо рукой...
Мать честная! Волга стала
Пограничною рекой!

Вековой разлад итожа,
Под ногой моею, тля,
Как шагреневая кожа,
Тает русская земля.

И опять в ночном тумане,
Погляди-тка, Симеон,
Точат стрелы басурмане,
Коим имя — легион.

Запах пота, кокаина,
Безнадёга и тоска...
Волга. Матушка. Чужбина.
Пограничная река...

Не за то...

Не смотри, не смотри ты вослед журавлю,
Не грусти у ночного порога...
Всё равно я тебя больше жизни люблю,
Больше Родины, неба и Бога!

Возле мокрых заборов, соломы и слег
Я люблю тебя тихо и нежно —
Не за то, не за то, что, как дождик и снег,
Ты была на земле неизбежна.

Не за то, что сгорала со мною дотла
И неслышно в сторонке дышала,
А за то, что всё время со мною была,
И как смерть — мне ни в чём не мешала!

Спасибо

Лохмотья вишнёвого сада.
Разладица. Голод. Война.
За счастье маркиза Де Сада
Спасибо, родная страна!

Рассорились мы, разделились,
Увязли в твоём дележе.
Но злые уже отделились
И стали виднее уже.

Их песня покуда не спета.
Другая — ещё не слышна...
Ну, что же... За то и за это
Спасибо, родная страна!

1666-1999

Не напрасно дорога по свету металась,
Неразгаданной тайною душу маня...
Ни врагов, ни друзей на земле не осталось...
Ничего! никого! — кто бы вспомнил меня!

Я пытался хвататься за тень и за отзвук,
Я прошёл этот мир от креста до гурта...
В беспросветных людей я входил, словно воздух,
И назад вырывался, как пар изо рта.

Переполненный зал... Приближенье развязки...
Запах клея, бумаги и хохот гвоздей...
Никого на земле! Только слепки и маски,
Только точные копии с мёртвых людей.

Только горькая суть рокового подлога
И безумная вера — от мира сего.
Подменили мне Русь, подменили мне Бога,
Подменили мне мать и меня самого.

Никого на земле... Лишь одни квартиры...
Только чуткая дрожь бесконечных сетей...
И глядят на меня из огня староверы,
Прижимая к груди нерождённых детей.

* * *

Я должен вспомнить об отце,
И то, как мы чужими были,
И как менялся он в лице,
Когда мы вместе водку пили.
Он знал о русской жизни всё,
И понимал уже в то лето,
Что я погибну от неё,
А он умрёт от мысли этой.
Он не хотел мне делать зла
И гнить в растоптанной могиле...
Но жизнь проклятая была,
И мы с ним вместе водку пили.
Прости, отец, и я ничей,
Тоскою ржавою завьюжен,
Я тоже Родине своей,
Как ты, с рождения, не нужен.
Она росла среди могил,
В сердцах разорванных сгорая...
И потому ты водку пил,
Мои надежды пропивая.
Прости, отец, мне тот раздрай,
Обиды все и нестыковки...
Живи хоть так. Не умирай.
А я умру. Но не от водки.

Чары Чуровой Долины

1.

Чёртова дорога. Чёрная гора.
Что-то стало много худа без добра.

Сон чертополоха крепнет на Руси.
Отчего так плохо, Господи еси?

Грустное наследство. Давняя вина.
Пробирает детство холод из окна.

Игры на соломе. Запах чабреца.
Плохо в нашем доме было без отца.

И никто не знает, и не даст ответ,
Где он пропадает... Есть он или нет?

Чурова долина. Чёрная гора.
Ягода малина... Худо без добра.

Космос ледящий... Люди... караси...
Где же ты, пропащий, Господи еси?

2.

Чары Чуровой долины начались на чердаках,
Где мерцали паутины и орлы на пятаках.

Свечи. Ладанки. Иконы. А случится — час ночной:
Чьи-то вздохи, чьи-то стоны, чьи-то тени за спиной.

Окаянное пространство! Наползает, хоть реви!
Запах беглого дворянства, беглой веры и любви.

Где вы, тётя, в карты дулись? Где куснули ананас?
Почему вы не вернулись — хоть разок взглянуть
на нас?

Волга. Родина. Отрава.... То ли небыль, то ли быль...
И высок сундук, как слава, а откроешь — только пыль.

Времена, как льдины, тают... Что ты, маленький,
не спишь?
Тени снова улетают на Мальорку и в Париж.

Долетели. Не разбились. Облачились в жемчуга.
А вот гуси возвратились. Гуси, гуси! Га-га-га!

Русь отражённая

Девясил, подорожник, чабрец,
Золотая трава богородка,
Вы не знаете, где мой отец,
Вы не видели, где его лодка?

Тростники мои, ветер, вода,
Родники, не узнавшие мути,
Вы меня проведите туда,
Где гуляют пропавшие люди.

Я не праведник, нет, не истец,
Не охотник, идущий по следу.
Я такой же пропащий отец,
Как и он, не пришедший к обеду.

Где же ты, скomorох, соловей?
То ли куришь на мокром крылечке,
То ли ходишь с тальянкой своей
По селу, отражённому в речке?

Подорожник, чабрец, девясил —
Всё, что нашего племени-роду,
Проведите меня по Руси,
По великой и канувшей в воду.

Пусть звенит над рекой росинец,
Пусть плывёт по течению лодка,
Пусть хранят эту тайну чабрец
И степная трава богородка.

Спасение

Сергею Морозову

Первый снег ударил залпом.
Нету худа без добра.
Хорошо, что я не запил
Нынче с самого утра.

Было больно и тревожно,
А теперь, на склоне дня,
И представить невозможно —
Снег, идущий без меня.

Не мечталось о наследстве,
А оно летит с небес.
И пленительно, как в детстве,
Сердцу хочется чудес.

Снег идёт. Летит, как небыль.
Тихо светится во мгле.
Снова люди смотрят в небо...
То-то славно на земле!

Я давно уже не молод,
Но всю ночь стою в саду...
Так встречают снег и холод
Лишь в России да в аду.

Очень печальное стихотворение

На отшибе погоста пустого,
Возле жёлтых размазанных гор
Я с кладбищенским сторожем снова
Беспросветный веду разговор.

Я сказал ему: «Видимо, скоро
Грянет мой неизбежный черёд...».
Но ответил кладбищенский сторож:
— Тот, кто жив, никогда не умрёт.

Я вернулся домой и три ночи
Всё ходил и качал головой:
— Как узнать, кто живой, кто не очень,
А кто вовсе уже не живой?

Под иконою свечка горела.
Я смотрел в ледяное окно.
А жена на меня не смотрела,
Словно я уже умер давно.

В тихом доме мне стало постыло,
Взял я водку и пил из горла.
Ах, любимая, как ты остыла,
Словно в прошлом году умерла!

Я заплакал и месяц-заморыш
Усмехнулся в ночи смоляной...
Ах, ты, сторож, кладбищенский сторож,
Что ты, сторож, наделал со мной?

Корешок

Я сожгу зачитанные книги.
Добрые и злые — всё равно.
Странники, бродяги и расстриги
Пьют со мной зелёное вино.

Чёрные корявые коренья,
Травы, затаённые от глаз,
Сколько раз я падал на колени,
Под луной отыскивая вас.

Пробираясь к соме и жаризне,
Бродит люд за Чуровой горой,
Где длиннее памяти и жизни
Корешки встречаются порой.

Разгребёт он землю, растревожит,
И простой какой-то лопушок
Тянет, тянет — вытянуть не может,
И порвать не может корешок.

Упадёт он в травы. Как мессия —
Разведёт руками облака,
И прошепчет: «Матушка Россия!
Как же ты, родная, глубока!».

Наберёт брусники да морошки.
И, в село вернувшись в полумгле,
Будет думать, сидя на порожке,
О себе, о небе, о земле...

И опять за рощи и овраги,
Где всегда, как в памяти, темно,
Странники, расстриги и бродяги
Будут пить зелёное вино.

Огонь

То-то было на сердце неладно,
То-то выла собака в ночи:
Возвернулись гостёчки обратно,
Развалились, как угли в печи.

Одуванчики, пьяные в стельку,
Голосят с заповедных времён
Безвозвратную песню про Стеньку,
Беспросветную песню про клён.

Оборванцы мои! Забулдыги!
Гаснет пламя. И нечего сжечь.
Все бумаги мои и все книги
Дочитала голландская печь.

Догорел этот мир и распался,
Как воронье гнездо на дубу.
Всё, чем был он и всё, чем казался,
В полчаса улетело в трубу.

Всё сгорело — слова и цифири,
День Победы и Яблочный спас...
Ничего мы не знаем о мире,
Ничего он не знает про нас!

Приговор

Русь моя! Туман, поверья,
Пыль таинственных времен!
Как преступник к высшей мере,
Я к тебе приговорён.

К шуму сосен, к скрипу ставен,
К зову птиц издалека,
И к твоим тропинкам тайным,
Проходящим сквозь века.

Пусть порою путь без веры
Выпадает мне во мгле...
От всевышней смертной меры
Нет спасенья на земле.

Мир вам, рощи да излуки,
Шелест, шёпот... Камыши...
Навсегда. До смертной муки.
До бессмертия души!

Гоголь

Ты не стой над ним, не трогай,
Не мешай ему скорбеть...
Третий день боится Гоголь
В дали русские смотреть.

На рассвете, на закате,
Наболевший, как нарыв,
Он лежит в постылой хате,
Очи чёрные закрыв.

Тают сроки и зарок.
Бродят возле головы
Олонецкие пророки
И Онежские волхвы.

Головою Гоголь крутит,
Поднимается — как честь...
Показали — всё, что будет,
Всё, что было. Всё, что есть.

Гой ты, Русь! Кресты и свечи,
Глухари да упыри...
Небо падает на плечи:
— Всё, что видел, говори!

Из оврага ли, из лога ль
Наползает дым и тьма...
Ничего не скажет Гоголь.
Промолчит. Сойдёт с ума.

* * *

Уйти от позднего веселья,
Не взяв копейки про запас,
Просить прощенья в час похмелья,
Когда не ровен каждый час.
Забыв о славе и свободе,
Беснуясь, мучась и кляня,
Просить прощенья на исходе
Времён, похожих на меня.
Когда не вывезет кривая
И день уходит в никуда,
Просить прощенья, умирая
От слёз, от боли и стыда.
Просить прощенья зло и строго
За тьму учений и словес,
За ложь, за истину, за Бога,
Сто раз упавшего с небес.
За всё, что рухнуло, свалилось,
Застряло в горле, словно ком,
За всё, за всё, что отразилось
Во мне, как в зеркале кривом.
Просить прощенья глуше, глуше,
И всё же чувствовать в тоске,
Что тьма, заполнившая душу,
Всю ночь висит на волоске,
Что, по закону искупленья,
Уже сливаются, звеня,
И жизнь, и смерть — в одно мгновенье,
Где нет и не было меня.

* * *

Александр Громову

Не кричите, мои пароходы,
Не зовите меня в никуда.
Полюбил я в последние годы
Всё, что адом казалось всегда.

Словно хан отпустил из неволи
На хромом и бесхвостом коне...
Но ни злости, ни злобы, ни боли —
Ничего! — не осталось во мне.

И смотрю я на Родину слепо,
Превращаясь в немислимый взгляд...
Так на землю, наверное, с неба
Нерождённые дети глядят.

Преображение

Я подкову прибью над порогом.
И, забросив за плечи суму,
Буду долго шагать по дорогам
К твоему золотому ярму.

Чуров лес... Чаровница излука...
Боже мой! Колобродя, спеша,
Я не знал, что такое разлука,
Что такое в разлуке — душа.

Я шатался по свету, покуда
Не прошёл этот мир поперёк.
Но теперь я надеюсь на чудо,
Как из клетки сбежавший зверёк.

И мне видится свет над порогом,
Где скажу в предначертанный час:
Я пришёл к тебе с Господом Богом,
Так встречай, как положено, нас!

Гром ударит средь тёмного неба,
Тонкий месяц взойдёт из-за гор.
И, как запах горячего хлеба,
Ты из кухни метнёшься во двор.

Оглядишься тревожно и строго,
Сиротливо замрёшь у плетня...
Но в сиянии Господа Бога
Ты уже не узнаешь меня.

* * *

И в этот год нам нет прощенья,
Опять дороги спутал бес.
Всё Рождество и всё Крещение
Солёный дождик льёт с небес.

И в ночь кромешную не спится,
И днём не справиться с тоской.
Чужие вывески и лица
На испоганенной Тверской.

Везде дыханье балагана,
На волоске повисла жизнь.
А возле кладбища реклама
Зовёт покойников в круиз.

Какая страшная усталость!
И ничего не изменить.
За то, что жизнь не состоялась,
Пожалуй, некого винить.

Да и могло ли быть иначе?
Кровавый след уводит в старь...
Снимите шапки. В небе плачет
Последний русский государь.

* * *

Обросла столица мхами,
На поток пошли гробы.
Не спасти души стихами
За пределами судьбы.

Там — рога, а здесь — копытца.
Пир в преддверии чумы...
В чёрной хате бы закрыться
Да напиться сулемы.

Не заплачет о поэте
Русь, ушедшая в полон...
В чёрной хате бы... Но дети...
Без опоры, без икон...

Боже правый! Дай мне силы,
Дай мне удали твоей,
Чтоб подняться из могилы
Посреди нетопырей.

Чтобы цепи рвать и сети,
И живьём гореть во мгле,
Чтобы знали наши дети,
Как мы жили на земле.

Равновесие

Мать честная да лыко-мочало,
Да звенящая попусту гнусь...
Перепутав концы и начала,
Я не знаю, на что пригожусь.

То целую икону святую,
То нечистых дразню, как гусей.
И прощаю врагов подчистую,
И гною по темницам друзей...

То умён, как последнее слово,
То — Емеля, дурак, ветрогон...
Гой ты, Русь! Золотая подкова,
Под которой сидит скорпион.

И по сёлам, где слёз не осталось,
По сурепке и по лебеде
Темнота, перешедшая в святость,
Разошлась, как крути по воде.

Хохотали по просекам черти,
Обрывалась волшебная нить...
Равновесие жизни и смерти
Я хотел на земле сохранить.

Ты прости меня, батюшка милый,
За вороний бессмысленный грай...
Ты меня из холодной могилы
Не пускай в нарисованный рай.

И пускай мною песенка спета
На идущей под воду корме...
Я люблю темноту после света
И рождение света во тьме!

Половодье

Склоны сопок оползли,
В воду канули деревья.
Пядь за пядью край земли
Приближается к деревне.

Поздно, милый, морщить лоб,
Лодку старую латая.
Это даже не потоп,
Это ненависть святая.

В небе грозно и светло.
Напрочь срезана дорога.
Позабыв про барахло,
Люди вспомнили про Бога.

И сосед мой в небеса
Смотрит грустно, как калека...
За такие вот глаза
Бог и любит человека.

Ташла

Мраком веяло с полей.
С приближеньем смерти —
Вылезали из щелей
Упыри и черти.

Стоны. Шорохи. Шаги.
Молнии без грома.
Взял я в руки сапоги
И ушёл из дома.

Страшно, зябко на Руси
Каждому, кто грешный.
Где ты, Господи! Спаси
От тоски кромешной.

Сила вражья — хоть кричи.
Темень за душою.
Только вспыхнуло в ночи
Небо над Ташлою!

И воды волшебной круг
Под крестом спасенья...
Рассыпаются вокруг
Тени да виденья!

И восходит надо мной,
Над моей бедою
Церковь с мёртвою водой
И с живой водою.

Утро. Озеро. Ташла.
Ни чертей, ни смерди.
Вот и жизнь моя прошла.
В двух шагах от смерти.

* * *

Какая странная пора,
Какое долгое затишье.
Сегодня так же, как вчера,
Летит листва. Скребутся мыши.

Глядят угрюмо старики,
Ворчат, как тающие льдины.
А золотые пауки
Плетут над ними паутины.

Упал скворечник. Дом забит,
По грудь засыпан листопадом.
Никто теперь не угостит
Сухим, как порох, самосадом.

Никто уже не позовёт,
Как это водится — на помочь...
Здесь время больше не идёт.
Часы показывают полночь.

И веет гибельной тоской
По всем просёлочным дорогам.
Стоит деревня над рекой.
Одна. Под звёздами. Под Богом.

Опять — подножие креста.
Разлад. Смятение. Рутина.
Конец столетья. Пустота.
И паутина... Паутина...

Магдалина

Под тоской высокой журавлиной
Наяву, а может быть, во сне
Я была блудницей Магдалиной,
Я любила всех, как на войне.

Это я в холодные метели
Под колючим ветром и дождём
Согревала ночи и постели
Золотым ликующим огнём.

Это я о счастье голосила
И себя, бросая насовсем,
Ирода ласкала и просила
Пощадить кричащий Вифлеем.

Это я ложилась под Каифу,
Забывая ненависть и срам,
Чтоб, подобно огненному грифу,
Не хотел он крови по утрам.

Это я без чар и наговора
Высекала искры из кремня.
Но к стене кремешного позора
Всё равно поставили меня.

Казнь всегда вершили на закате,
В час, когда рождается хаос...
Но вошёл в селение некстати
Золотой, как солнышко, Христос.

Поклонившись каждому раввину,
Он сказал: «Идея неплоха»,
И добавил: «Первым Магдалину
Пусть ударит тот, кто без греха».

Отступила ненависть устало,
Стала злость убога и мелка.
Но седая женщина достала
Камень из простого узелка.

Над Голгофой медленно светало,
Ждал апостол крика петуха...
И смеялась женщина святая,
Женщина, не знавшая греха.

* * *

Боже правый! Пропадаю!
Жизнь пускаю на распыл.
И не помню, и не знаю —
Как я жил и кем я был.

То ли был бродягой, вором,
Жалкой похотью хлюста,
То ли я, как чёрный ворон,
Не оплакал смерть Христа?

У прощального причала
Полыхает вечный свет!
Нет конца и нет начала,
Середины тоже нет...

Нет удачи, мало света,
Только я, как на торгу,
Всё расплачиваюсь с кем-то,
Расплатиться не могу.

Родине

Я ступаю по тонкому льду
Над твоею холодной водою.
Только чувствую — эту беду
Не утянешь на дно за собою.

Впереди — беспросветная ночь,
За спиною — полоска разлада.
Дорогая, хорошая! Прочь!
Ничего от тебя мне не надо!

Я прощаюсь с твоей красотой,
С незадачей твоей избяною...
Я не знаю, что стало с тобой,
Ты не знаешь, что будет со мною.

Мне теперь — что назад, что вперёд,
Спотыкаться, скользить и кружиться...
Но на веру твою, как на лёд,
Я уже не могу положиться.

Оглянусь — ты стоишь у плетня,
Ожидая, что всё-таки струшу...
И жалеешь, и любишь меня,
Как свою уходящую душу.

Поморы

1.

Между туч — архангела оконце,
Вместо ливня — рыба чешуя.
Здесь живут архангелогородцы,
Как листок из книги Бытия.

Испокон веков не выживают
Здесь клопы, тарантулы и тля.
Здесь водою спирт не обижают,
Словно лодки, глотки просмоля.

Здесь брала и славу, и начало
Родина отчаянных сердец.
Здесь столица Севера стояла,
Жаль, растаял этот Леденец.

Здесь любил созвездия и лодки
Мой отец с глазами февраля.
От его окладистой походки
До сих пор качается земля.

У простора — сердце от помора,
У помора в помыслах — простор.
Здесь душа гуляет без надзора
И не пьёт из ложечек кагор.

2.

В ночи, над Белым морем,
Одна звезда не спит.
В избе, объятай горем,
Одно окно горит.

Пьёт водку дурачина,
Смеётся, плачет, тля:
«Гори, моя лучина,
Сгорю с тобой и я!»

Поет осатанело.
Клянёт весь мир зараз.
И снова режет невод,
Изрезанный сто раз.

На море дверь открыта,
Стаканы на полу.
Разбитое корыто
Качается в углу.

Войду к нему устало,
Он вскинется: «Родной!
Моя старуха стала
Владычицей морской!».

Нальёт мне в кружку водку,
Салфетку изорвёт.
В корыто, словно в лодку,
Залезет и плывёт.

Всю ночь гребёт устало
И мне кричит: «Родной!
Моя старуха стала
Владычицей морской».

3.

Поднимайтесь, вставайте, мои небеса!
Мне пора изучать роковые атласы,
Из отцовского савана шить паруса,
Выводить на волну времена и баркасы.

Наши лодки, как тени летящих гусей,
Как акулий плавник каждый парус несётся.
Нам с девятого вала — десятый видней,
А с десятого видно вчерашнее солнце.

Выходи, безотцовщина! Прямо руля!
Видишь, волны опешили, окаменели!
Разворачивай парус, каналья и тля!
Полетим над водою быстрее шрапнели!

Если будут перечить — за борт скобарей!
И не думать о них, и не гнутья от горя.
Нас отцы не учили бояться морей,
Потому что ещё не вернулись из моря.

* * *

В доме моём ничего не осталось.
Ночь на исходе. Но время темнит.
В озере ночью вода отстоялась,
Цапля, как облако, в небе стоит.

Льётся с берёз золотая усталость,
Киноварь с охрой летят на испод.
Вот и осталась мне самая малость
Дней перелётных и вечных хлопот.

Счастье ушло. Но осталась свобода —
Та, что похожа на полный расчёт,
Та, что случается после ухода
Тех, кто уже никогда не придёт.

* * *

Россия, Русь! В тоске величья,
В кругу неверия и лжи,
Меняй одежды и обличья,
Но дух нетронутым держи!

Среди земных и горних множеств,
Объятых тьмою и огнём,
Ты велика, как безнадёжность,
Что в сердце вызрела моём.

Пройдут наркоз и летаргия,
Взойдут из пепла зеления...
Храни, храни свой дух, Россия,
Хотя бы в сердце у меня!

11

За милую душу

* * *

Слова забываю. И путаю числа.
Но я понимаю — в них не было смысла.

Сгорай же в печи, заповедная книга!
Ты хуже татаро-монгольского ига!

Я понял вчера на родимом причале,
Зачем эти дали так долго молчали.

Я всё понимаю легко и сурово.
Но больше ни крика. Ни стога. Ни слова.

Прощай же навеки, тетрадь со стихами.
Мой голос заблудший стихает, стихает.

И даже молитва всё глуше и глуше —
За милую душу. За милую душу.

Марианна

Неверный свет зари обмана,
Твоё дыханье, Марианна,
Всё это минуло давно.
Лишь на земле, запечатлевшей
Твой взгляд случайный и безгрешный,
Теперь, как в пропасти, темно.

Мне рано, рано, Марианна,
Искать тебя в стране тумана
И душу призракам крошить.
Пусть разошлась на сердце рана,
Она не больше океана,
Я сам смогу её зашить.

Живи и здравствуй, Марианна,
В тени уснувшего вулкана,
Светись, как небо и вода.
Пусть для моих желаний грешных
Для вожделений безутешных
Не будет света никогда.

Прощай, Мария, свет мой Анна!
Во мне темно. Мне слишком рано
Стоять с тобою наравне.
Пусть будет чист желаний воздух,
Пусть никогда мечты и звёзды
Не умещаются во мне!

Кольцо

В душе моей смеркается,
Горит твоё кольцо.
Надеюсь — примелькается
Проклятое лицо.

По снегу да по крошеву
Идёт она опять.
Рукой подать до прошлого,
Да руку не поднять.

Звучат слова бессвязные...
Тона, полутона...
Любови были разные,
А мучает одна.

Душа поёт и мечется.
Поёт кордебалет.
Кольцо на пальце светится,
Как будто пальца нет.

А мне всё так же верится
У самого конца,
Что это палец светится
И нет на нем кольца!

Ты помнишь...

Ты помнишь, мы спали на печке,
Мы жили с тобою во мгле.
Зимою... На Чуровой речке.
На сказочной русской земле.

Хватало нам света и снеди,
Сошедшей с небес чистоты...
Казалось — так будет до смерти,
Такой же красивой, как ты.

Во мгле. До скончания света.
В избушке. На самом краю...
А нынче ты в городе где-то
Забыла про печку мою.

Простыли волшебные ночи.
И знает лишь домик рябой,
Что смерть, заглянувшую в очи,
Я радостно спутал с тобой.

Я знаю, тебе не приснится
Тот сумрак вечерний и чад...
Недавно ты ездила в Ниццу.
Ты видела озеро Чад.

Зачем же сегодня при свечке,
Рукой отводя полумрак,
Ты сыну читаешь про печку,
Где умер Емеля-дурак?

А в полуистлевшем конверте
Горят золотые мосты —
До Чуровой речки, до смерти —
Такой же красивой, как ты!

Ожидание

Видно — рано... Ещё не пора...
Только хочется, чтобы скорее...
Я помыл семь окошек вчера,
Чтобы небо казалось светлее.

А ещё, чтоб букетик не сник,
И на мир не повеял бедою,
Я сходил на далёкий родник
За живой и за мёртвой водою.

Я не знаю, тебя ли люблю
Или эти смешные цветочки...
Но я всё же исправно кормлю
Карасей, обитающих в бочке.

И они до последнего дня
Ловят крошки высокого хлеба.
И с восторгом глядят на меня,
Как на Бога, сошедшего с неба.

* * *

Изба моя... Поленница...
С ума бы не сойти...
Она опять поленится
До поезда дойти.

Театр. Площадь. Улица.
Щербатый гололёд.
Она опять заблудится,
Собьётся, пропадёт.

Поплачется по прошлому,
Начнёт вздыхать и звать,
Чтоб каждому прохожему
С три короба наврать.

А я не пью, не кушаю,
С крыльца тебя зову:
— Овца моя заблудшая!
Ау... Ау... Ау...

И это всё случается
По триста раз в году...
Идёт бычок, качается,
Вздыхает на ходу.

А март кипит и пенится,
Как бражка взапёрти.
Гори, моя поленница!
С ума бы не сойти...

Оберег

Молча лошадь снаряжаю.
— Эй, соседи! Загружай!
— Уезжаешь? — Уезжаю...
— Что же, с Богом уезжай.

По засекам-лесосекам,
По календуле в долину,
Да по мостикам-калекам
В городскую кабалу.

Мимо треснувшего треста,
По оврагу-падуну,
Поезжай, моя невеста...
Я кобылу подстегну!

Вейся, вейся, путь беговый,
Между сосен и берёз!
Пусть летят с копыт подковы
Дальше памяти и слёз!

Разорву туман на части
И, смерив безумный бег,
Подарю тебе на счастье
Свой заветный оберег.

И со всей окольной грустью,
По уклону сонных вод,
Поплывёт с тобою к устью
Мой последний пароход.

Там, у моря-окияна,
На далёкой стороне
Вспоминай, моя Татьяна,
Несказанный свет в окне.

Вспоминай мои сусеки,
Береги мой оберег.
Глубоки моря и реки,
Но истоки глубже рек!

Гой, ты, Русь! Сверчки да совы,
Конопля да лебеда,
Где счастливые подковы
Улетают в никуда!

За всё, за всё...

Ну, что же, время расставаться.
Опять дороги развезло.
И на крылечке оступаться
Ты стала весело и зло.

Уже травой не дышат сени
И половицы не поют.
И чьи-то призрачные тени
Тебе покоя не дают.

Теперь уже грибы в лукошке
Нас не обрадуют с тобой.
Не вечен свет в моём окошке,
И дым не вечен над трубой.

Ну, вот и всё. Прости, Елена,
За холод рук, за холод глаз.
За то, что глупое полено,
Сгорая, молится за нас...

Нальём же в кружки зверобой,
Поставим свечку на столе...
За всё, за всё, что нам с тобою
Дано почти что на сто лет!

Пусть не убудет, не прибудет,
Пусть ни к чему не приведёт...
За всё, за всё, что есть и будет,
И нас с тобой переживёт.

За всё, за всё... За шелест сена,
Прощальный свет над городьбой...
За то, что глупое полено
Восходит дымом над трубой.

Элегия

Надрывается ветер заблудший,
Колобродит всю ночь в камыше.
И чем хуже погода, тем лучше
Почему-то теперь на душе.

Ничего, я с дороги не сбился,
И совсем не знаком с ворожкой.
Я в счастливой рубахе родился
И снимал её только с тобой.

А теперь возле дома слепого
Я хожу, словно вор, без огня...
Хорошо, что ты любишь другого,
Как когда-то любила меня.

Хорошо, что без боли и страху
Ты мне машешь рукой на ходу,
Что мою голубую рубаху
Носит пугало в вашем саду.

* * *

Побудь со мною после слов.
Поверь растаявшему звуку.
Разлука больше, чем любовь.
Давай же выпьем за разлуку.

У окон, около крыльца,
В любом созвездии проожем
Ей нет начала, нет конца,
А значит, нам с тобою — тоже.

Пусть сплетни ходят по рукам,
Пусть слухи жутко шевелятся.
А нам с тобой, как облакам,
Случилось по небу пошляться.

И это всё! Не прекословь.
И не тяни обратно руку...
Разлука больше, чем любовь.
Уйди. И выпей за разлуку.

Богородка

Будет мало надежды и света.
И в смешной перелётной тоске
Ты меня, не признав за поэта,
По задворкам проводишь к реке.
И, прощаясь у старенькой лодки,
Как упавшую с неба зарю,
Семь соцветий травы богородки
Я на память тебе подарю.
Уходящему дню потакая,
Ты мне скажешь над тёмной рекой:
— Что за травка смешная такая,
Никогда не видала такой!
Засмеёшься и спустишься в лодку,
Уплывёшь в колдовской городок.
И поставишь траву богородку
На окно, что глядит на восток.
Я писать тебе писем не буду,
Я ведь знаю, куда ты гребёшь...
И меня, как простую простуду,
Ты, наверное, переживёшь.
Но однажды — печально и кротко,
В час, когда я умру без тебя,
Расцветёт на окне богородка,
Словно память того сентября,
Где, недолгому дню потакая,
Ты смеялась над чёрной рекой:
— Что за странная травка такая,
Никогда не видала такой!

Цветок фламбуайна

Помню свет запоздалой зари,
Помню крик из ночного тумана:
— Уходи от меня, и умри
Где-нибудь посреди океана!

В заповедный крещенский мороз,
Завершая земные скитанья,
Я тебе из-за моря привёз
Откричавший цветок фламбуайна.

Ты открыла заветную дверь
В непонятном каком-то кутюре.
— Что ты ищешь, мятежный, теперь?
Я ответил: «Покой после бури!».

— Проходи же, — сказала, — в избу.
Я теперь для тебя без обмана
И звезду нарисую во лбу,
И постель застелю из тумана!

До утра завывала метель,
Бесновалась, как старая тайна...
Ты легла в ледяную постель
С откричавшим цветком фламбуайна.

Я подбрасывал в печку дрова,
Поджигал роковые засеки.
Все надежды свои и слова
Забывая на вечные веки.

И, оттаяв, согревшись на треть,
Попивая чаёк из стакана,
Я опять захотел умереть
Где-нибудь посреди океана.

* * *

Стихи летучие, как дым,
В печи сжигаю я устало.
Ко всем живым и неживым
Ты эти строки ревновала.
Ты всюду видела беду,
Над каждой выдумкой рыдала,
И билась рыбкою на льду,
И возле проруби стояла.
В седых туманах ноября,
Сойдя с невидимой иконки,
Ты не смогла узнать себя
В чертах прекрасной незнакомки.
Огонь всё дочиста съедал,
Но ты печальная сидела,
Как будто я тебя предал
Во всех немыслимых пределах.
И снова возле лунных ног
Я жил, как тень твоя босая...
Любила ты! И видел Бог,
Что нет тебе конца и края!
Любила ты.... И я любил,
Как любит звук далёкий отзвук,
В тебе я волю находил,
В одну тебя входил, как воздух.
Но знали сны и петухи,
Что под небесным перламутром
Родятся новые стихи
И ты опять заплачешь утром.

* * *

Ушёл без нас последний омик,
И на корме фонарь погас.
Мы возвратились в старый домик,
Остывший полностью без нас.
Скрипела дверь. Сквозили щели
Ещё не видимой бедой...
Но журавли не улетели,
Как будто ждали нас с тобой.
В полнеба листья трепетали,
Метались ветви в полумгле,
Как будто нас с тобою ждали —
Одни оставшись на земле.
И над обрывом, над рекою,
Над всей незыблемою тьмой —
Такой повеяло тоскою,
Таким сиротством... Боже мой!
И ты к лицу прижала руки,
Чему-то тайному внемя...
Стояла ночь. И для разлуки
Была открыта вся земля.

* * *

С похмелья минута длиннее, чем жизнь.
Но женщина ждёт. Выбирайся. Держись.
Но женщина ждёт, словно рыба во льду,
Как ждёт Эвридика спасенья в аду.
Давай, выбирайся, ты можешь, давай,
И в ад опускайся, и душу спасай.

Пошрое стихотворение

Это — старинная грустная повесть,
Это — усадьба и сад, и в саду
Дождь разошёлся, как полночь совесть,
Разговорился, как камень в бреду.

Были открыты все двери и окна,
Чёрные очи метались, дрожа...
— Господи, господи! Как ты промокла!
Как ты озябла, моя госпожа!..

Трепетный шёпот, объятья, услада,
Руки в мурашках и губы во мгле...
— Ах, госпожа! За неделю до ада
Так и бывает с людьми на земле!

Брызгает кровью измятый шиповник,
Льётся на землю восторг и вино!
— Господи! Кто ты? Разбойник Садовник?
— Ах, госпожа! Да не всё ли равно!

Не содрогнётся усадьба и волесть,
Судьи не скрепят законом сердца.
Эту старинную грустную повесть
Автор не смог дописать до конца.

В час, когда дождь за окном барабанил,
Быстро смывая следы на траве,
Беглый разбойник повесился в бане,
С веткой шиповника на голове.

Граф распрощался с любимой усадьбой,
Съехал, и след его тут же простыл.
Грустная повесть не кончилась свадьбой,
Ангел-хранитель над нею не взмыл.

Сгинуло всё: и усадьба, и повесть.
Век миновал. Но сегодня в саду
Дождь разошёлся, как полночь совесть,
Разговорился, как камень в бреду.

И под ветвями вишнёвого сада
Чёрные очи я вижу, дрожа.
— Ах, госпожа! Ты сбежала из ада!
Как ты замёрзла, моя госпожа...

Искупление

Я ночью смотрел, как ты пела у зыбки,
Я плакал в подушку. Я верил и знал —
Глупей и прекраснее этой улыбки
Господь ничего на земле не создал.
Ты пела над зыбкою. Ты улыбалась,
Светилась во мгле, как воскресшая мать.
Я плакал в подушку. Вокруг разливалась
Ещё не знакомая мне благодать.
Я плакал в подушку — в туманы завета,
Я плакал и верил, и знал в феврале,
Что этой улыбки и этого света
Мне хватит для счастья на этой земле.
Не зря ты ко мне через вечность летела...
Пришла и вернула негаснущий свет,
Вернула мне душу и голос, и тело,
И Бога вернула, которого нет!

* * *

Концы с концами не сведу.
Темна последняя тетрадка.
И я, любимая, уйду,
Сгорю, растаю без остатка.
И я, любимая, уйду
Туда, где смерти не боятся.
И ты, как ласточка в аду,
Начнёшь над памятью метаться.
Но там, где муки, тлен и плен,
Ты будешь вечною женою...
«Скажи, мой миленький, зачем
Ты не забрал меня с собою?»
Скажу: «Любимая, живи,
Топчи заветную дорогу!
От нашей веры и любви
Теплее родине и Богу.
Живи в остуде и бреду,
Во сне живи и круговерти,
Живи, как ласточка в аду,
И как зачатье после смерти!».

Но, если...

Но, если я один в пивной
И мой удел во тьму катиться,
Ты разве станешь надо мной
Сидеть и плакать, и молиться?

А если сплетни и враньё
Сплетут венок мне на прощанье,
Ты сможешь в это суровьё
Придти на первое свиданье?

Поймёшь ли ты, что это — рок,
Что освещает путь Всевышний,
Что скоро аленький цветок
Умрёт над чудищем погибшим?

Седьмая печать

Родная молчит, как седьмая печать,
Молчит и молчит, золотая.
Как смел я долги и обиды считать,
И плакать, от злости сгорая?
Как смел я небесную плоть вождедель,
Касаться небесного тела,
Когда надо было служить и жалеть,
И верить в неё без предела.
Как мог я смеяться, словами играть,
Крушить её грёзы и дали,
Укладывать облако в ту же кровать,
Где листья опавшие спали?
И вот она спит у меня на груди,
И моет полы на закате...
Как будто бы ангел уже вострубил
Над тайной последней печати.

Чёрная трава

Печь затоплю. Просыпаются осы.
Слышится поступь незваных гостей.
И, наконец, оживают вопросы —
Те, что до ручки доводят людей.

Спутался, сбился, опять возвратился
В плюнутый всеми мареевский дом.
И по пути не сгорел, не разбился,
Не околел под гремучим мостом.

Думал — всё прошлое припорошило
Снегом рождественским, палой листвой...
Но оказалось, что приворожила
Марья Моревна чёрной травой.

Помню, как истово стыла деревня,
Как хохотала ночная сова,
Как увядали цветы и деревья —
Всюду, куда долетала молва.

— Марья Моревна! Будь ты неладна! —
Выла родня у святого огня...
Но не сумели ни свечи, ни ладан
Чуровы чары изгнать из меня.

Печь затоплю и дыханье замедлю,
Господу Богу поклон сотворю:
Благодарю за потёмки, за ведьму
И за змеиную травку твою!

Колыбельная

Баю-бай, моя милая, спи,
Слушай песенку старого деда,
Как ямщик, замерзая в степи,
Согревает дыханием небо.

Скоро выплавит радость апрель,
Зарыдает ракитник о рае,
Запоёт за рекою свирель,
На которой никто не играет.

И, печали своей не тая,
Я спою про лесную избушку,
Где прекрасная мама твоя
Превратилась в простую лягушку.

Я спою тебе, Катенька-свет,
О волшебной растаявшей чуди,
И о Боге, которого нет,
Но который, наверное, будет.

Я тебе буду петь на ветру
О лесах, заколдованных белью,
И о том, что я скоро умру
Над твоей золотой колыбелью.

* * *

И снег, и дождь... Растерзанный причал
Уводит вдаль потешный ледокольник...
А в темноте скитается печаль,
Звенит, звенит коровий колокольчик.
Я жду тебя. Я жду тебя и жду
Из всех твоих немыслимых америк.
Лишь ты одна по тоненькому льду
Ходить умела с берега на берег.
Лишь ты одна — летящая душа! —
Бежала мне навстречу и кричала...
А в этот год ты так и не дошла
До нашего последнего причала.
Я жду тебя. Я жду тебя и жду,
Тревожа заживающую рану...
Я сам пойду по тоненькому льду,
Как только ждать и верить перестану.
Ну, а пока — растерзанный причал
Уводит вдаль потешный ледокольник...
А в темноте скитается печаль,
Звенит, звенит коровий колокольчик.

Бегство

От квартир унылых и от буден
Выбросили верные ключи.
— Жить теперь по-новому мы будем?
— Будем! — откликался я в ночи.

Тополя шумели у причала,
Теплоход спасительный кричал.
— Мы с тобою всё начнём сначала?
— Да, начнём! — тебе я отвечал.

А потом мы долго говорили
И в ночи надеялись всерьёз,
Что на веки вечные уплыли
От нескладиц, недругов и слёз.

Выпили. Поплакали. Попели.
Много слов несказанных нашли...
А наутро разом отрезвели
И на первой пристани сошли.

Долго ожидали теплохода.
Сиротели. Делались собой.
И ночная глупая свобода
Утекала с утренней водой.

Звезда

Распогодилась полночь ненастная.
И опять, появившись во мгле,
Ты напомнишь о том, как я властвовал,
Как я мучил тебя на земле.

Ощущая, как горе, как бедствие
Сиротливую волю свою,
Я теперь твою злобу приветствую,
Принимаю жестокость твою.

Это лучше, чем мрак отчуждения
И попытка судьбу объяснить
Неудачною датой рождения,
Неспособностью вечно любить.

Не судьба задавила — поденщина!
Вот и надо с лихвою воздать
Мне за то, что любимая женщина
Не смогла на земле просиять!

Вода потёкшая

В поезде

Мне ни чаю, ни водки не надо.
Всё проходит: хмелей — не хмелей.
Как поэт, убежавший из ада,
Я печально смотрю на людей.
Они ждут небывалого чуда,
Их волнует ночная езда...
Я не с ними. Я еду оттуда.
А они ещё едут туда.

Усмешка Парижа

Пить и плакать на закате,
Слушать крики воронья.
С пьяной девицей в кровати
Спать, как с облаком вранья.

В мире конченом и пошлом
Просыпаться день за днём.
Молча кланяться калошам,
Глупо мокнуть под дождём.

До утра сжигать полешки,
В облака стучаться лбом.
Раздавать врагам усмешки,
Словно карты за столом.

С вечной грустью эмигранта
Собирать тоску из глаз,
Без огранки бриллианта
Видеть родины алмаз.

Столбовую даль и стужу,
И следы твои во мгле
Видеть, помнить.... Знать, что хуже
Не бывает на земле.

На заре в туманной Истре
Слышать дикий крик гусей,
И далёкий смех, и выстрел,
И печальный вздох друзей.

И неведомо калошам,
И не выпросишь у плит:
Мы ли спим в далёком прошлом,
В нас ли прошлое не спит?

Талан

Ничего он о жизни не знает.
Всё разлад у него и тоска...
То свечой под иконой пылает,
То на церковь глядит свысока.

То летит меж землёю и небом,
То пылит росинцом по Руси...
То становится печкой и хлебом,
То бродягой, ползущим в грязи.

И кричит он сквозь зиму и лето:
— Кто я, Господи? Кто я — теперь?
И рычит, не дождавшись ответа,
И к земле припадает, как зверь.

И уходит в ночные туманы,
И в развалах листвы и хвои
Лижет чьи-то кровавые раны,
Словно давние раны свои.

А когда под зарёю проснётся
Деревенька в родимых лесах,
Он к любимой руке прикоснётся,
Утонув в золотых волосах.

Обернутся секунды веками!
Но отпрянет он, вечность рубя:
— Я не ведаю — чьими руками
Обнимаю, как небо, тебя!

Он лицо загородит руками,
Он на стол упадёт головой:
— Я не ведаю — чьими губами
Говорю в этой жизни с тобой!

— Ничего, — она скажет, — не бойся...
Всё пройдет и начнётся опять...
Заплету я по девичьи косу
И пойду за деревню гулять.

Ничего... За туманами века,
За горящей листвой октября,
Я найду и убью человека,
Что прожил эту жизнь за тебя!

И ушла — золотая, как небо,
Затерялась в потёмках жена...
И один — без воды и без хлеба —
Целый век он стоит у окна.

Пелёнка

Голос далёкого детства,
Привкус железа во рту.
Словно великое бегство,
Бесится вьюга в порту.

В пене державного воска,
В горькой ночной сулеме
Снег, словно белое войско,
Тает и тает во тьме.

Падают листья с берёзы,
Падает в речке вода.
Падают женские слёзы
Медленно, как города.

Запомни

Вот так вся жизнь — круги и петли,
Туман, мерцающий вдали...
Куда спешить тебе? Помедли,
Постой на краешке земли.

Одно мгновение хотя бы
Не забывай в стране чужой:
Стоит вода, стоит сентябрь,
Стоит звезда над головой.

Завтра

Только дни беспросветные тянутся...
Скоро, скоро в Отчизне моей
Сёла вымрут, а церкви останутся,
Словно зубы вставных челюстей.

* * *

Укрощённые стихии,
Побелевшие виски.
Жизнь кончается. Витии
Изнывают от тоски.

Проклинают чьи-то сети,
Завивают пыль винтом,
И грустят на этом свете,
Словно весело на том!

Шинель

Когда по родине метель
Неслась, как сивка-бурка,
Я снял с Башмачкина шинель
В потёмках Петербурга.
Была шинелька хороша,
Как раз — и мне, и внукам.
Но начинала в ней душа
Хождение по мукам.
Я вспоминаю с «ох» и «ух»
Ту страшную обновку.
Я зарубил в ней двух старух
И отнял Кистенёвку.
Шинель вела меня во тьму,
В капканы, в паутину.
Я в ней ходил топить Муму
И мучить Катерину.
Я в ней, на радость воронью,
Кровоточил, как треба,
И пулей царскую семью
Проваживал на небо.
Я в ней любил дрова рубить
И петли вить на шее.
Мне страшно дальше говорить,
Но жить — ещё страшнее.
Над прахом Вечного огня
Над скрипом пыльной плахи
Всё больше веруют в меня
Воры и патриархи!
Никто не знает на земле,
Кого когда раздели,
Что это я сажу в Кремле
В украденной шинели.

* * *

Вернись, вернись, Христос! Куда ты?
Твой Крестный путь опять во мгле.
Теперь везде сидят Пилаты:
И в Ватикане, и в Кремле.

Теперь везде царит потреба,
Антихрист правит, почитай...
Вернись, вернись к себе на небо
И Достоевского читай.

Капитан

Над землёй стоит туман,
Океан кричит и стонет.
Бог — всего лишь капитан
Корабля, который тонет.

Лодки канули во тьму,
Пузыри вокруг и пена.
А когда-то ведь ему
Было море по колено.

Было всё — позор и честь,
Негасимый свет над рубкой.
Но не знал я — кто он есть,
Капитан с погасшей трубкой.

Я не знал, и знать не мог,
И боялся знать от века:
Отчего упавший Бог
Так похож на человека?

Кто он? Чудище? Простак?
Неудача в неудаче?
Почему он хочет так,
А выходит всё иначе?

Мать честная! Плачет Бог,
Как слепой отец над зыбкой,
И качается у ног
Океан его ошибок.

Навалилась усталость

Навалилась усталость...
За окошком темно.
Что прошло, что осталось?
Да не всё ли равно!

Что за страшная сила
И откуда, Бог весть,
Нам с тобой подменила
Всё, что было и есть?

Мы не те и не эти,
В нас клубится тоска.
И рождаются дети
С сединой на висках.

Глеет Русь, словно ветошь,
Гаснет меч-кладенец...
И отцу не ответишь,
Наш ли Ржев, наконец...

Пропать

Что за горе с нами, мама,
Что за звёздная парша?
Как кладбищенская яма,
Для тебя — моя душа.

В старом городе уездном,
Дребезжащем, как буфет,
Родила ты, мама, бездну,
Где тебе и места нет.

Мама, мама! Век железный
Режет ниточки в судьбе!
Ты прости... Я был проездом...
Сквозь тебя... И по тебе...

Зря мы мечемся по дому...
Это — месяц золотой
Бьёт и режет по-живому —
Между мною и тобой.

Что за время? Пропадаю
В освящённом Богом зле...
Ничего не понимаю,
Что творится на земле.

Поезд №1

1.

Неважно, что поздняя осень,
Что вымок вокзальный навес...
А важно, что в ноль двадцать восемь
Уйдёт транссибирский экспресс.
И снова под вечер, под вечер,
Когда замелькают огни,
Я буду приписывать встречным
Все лучшие чувства свои.
Я буду грустить, улыбаться,
Смотреть на туман за окном
И в грустных попутчиц влюбляться,
И мучаться долго потом.
И вновь от Приморья до Бреста
Я буду в предчувствии весь,
И жизнь, как чужая невеста,
Покажется лучше, чем есть.

2.

Бьёт и бьёт по стыкам поезд,
Рвёт ночные невода.
Пьёт вино ночная совесть,
Память едет не туда.
Чья-то мука и порука,
Чьи-то очи без лица...
А за окнами разлука —
Без начала и конца.
Без билета едет нежность,
Дуракам гадает ложь...
Рельсы, словно неизбежность:
И захочешь — не свернёшь.
В золотом рассвете моясь,
Вплоть до Страшного суда,

Этот страшный чёрный поезд
Не придёт никуда.
Дни и ночи... Буки, вежи...
Что ты пилишься в окно?
Никуда никто не едет,
Все приехали давно.

3.

Мне ни чаю, ни водки не надо.
Все проходит: хмелей — не хмелей.
Как поэт, убежавший из ада,
Я печально смотрю на людей.
Они ждут небывалого чуда,
Их волнует ночная езда...
Я не с ними. Я еду оттуда.
А они ещё едут туда.
И жуют, и сопят, и зевают,
Забываясь во сне и в бреду...
И стоп-кран по ночам не срывают,
И не прыгают в ночь на ходу.

4.

Край света — за каждым порогом,
Над каждой судьбою — узда.
Под солнцем, под небом, под Богом
Мы мчимся, не зная, куда.
Мелькают за окнами вёрсты,
Огни полустанков не спят.
Но самые яркие звёзды
Лишь делают вид, что горят.
И что же, заветные дали,
И что же, вся эта езда,
Когда нас на каждом вокзале
Встречает все та же судьба?..

5.

Состав растянулся в ночи, как гармонь,
И сжался, скрываясь в ночи без остатка.
Над чёрной рекой просыпался огонь —
Почти неподвижный ещё, как лампадка.
Я шёл по дороге из ада домой,
Вставали туманы, лишённые веса,
И ветер касался седой бородой
Верхушек почти облетевшего леса.
Я шёл, вспоминая.... Погасла звезда,
Звезда навсегда обманувшей свободы...
Так пусть же промчатся мои поезда,
Пусть уплывают мои теплоходы!
Я больше не буду метаться вдали,
Я больше не буду бежать без оглядки
От этого леса, от этой земли,
От этой почти неподвижной лампадки.

6.

Как будто не было дорог,
И рока не было, и срока...
В потёмках светится порог,
Как будто радуется Бог
По окончанию урока.
Как будто не было дорог.

Как будто не было дорог,
Где душу требуют в залог...
Вдали, где сиротливо и убого,
Где нет ни Бога, ни порога...
Как будто не было дорог.

Как будто не было дорог,
Где не проходит дождь и слякоть,

Где ни жена, ни сын, ни Бог
Не научились петь и плакать,
Упав на старенький порог...
Как будто не было дорог.

Как будто не было дорог,
И жизни не было — покуда
Я от сиротства не продрог,
Пока небесная остуда
Не показала мне исток,
Река рождается откуда...
Как будто не было дорог.

Как будто не было дорог,
Не поднималось столько пыли,
Где все заветы позабыли,
Где всё живое оскопили,
Где всё другое — жизнь и Бог...
Как будто не было дорог...

Но видит Бог — дороги были.

7.

...но если у неба и Бога
На всех не хватает любви,
И если во тьму от порога
Уводит чужая дорога,
Уводит: зови — не зови...
Но если повсюду неволя
И призрачна русская доля
Среди мировой маяты...
Что значит — свободная воля?
Да знаешь ли, Господи, ты?

* * *

Только слышится ночью осеннею,
Как бывает во сне и в бреду,
Что опять за крыльцом, за деревнею
Кто-то дует и дует в дуду.
Что же там — за дождём, за потёмками,
За мучительным скрипом плетня?
Что за странные люди с котомками
Дожидаются снова меня?
То ли ночь, то ли жизнь на исходе...
Для чего же мне рваться туда?
Я ведь знаю, что тот, кто уходит,
Всё равно не придёт никуда.
Надо жить, как цветы и деревья,
Надо падать в свою борозду...
Так зачем же опять за деревнею
Кто-то дует и дует в дуду?

Любите всех

Проходит день, как смертный грех,
Как хохот до упада.
Любите всё! Любите всех! —
Доносится из ада.

Я в никуда толкну окно.
Молчите! — крикну. — Черти
И к нам придёт ещё оно —
Прозрение после смерти.

Пройдут века или года,
Отнерестится чудо.
И мы опять пойдём туда,
А вы опять — оттуда.

И снова будет жизнь права
До смертного распада...
И те же самые слова
Я крикну вам из ада.

Всё повторится вновь и вновь,
Всё так же — без итога.
Так пейте, черти, за любовь,
За ад — в душе у Бога!

* * *

Отрывается звук контрабаса,
Размножаются хохот и вой.
Все театры в руках Карабаса,
Кот Базилио правит Москвой.

Сивку-бурку уездили горки,
Государь говорит на арго,
Папу Карло из старой каморки
Выселяют во имя его.

Пора

Не празднуйте победу,
Как немцы под Москвой.
Я смерть свою объеду,
Как мастер — по кривой.
Я, как и он, небритый,
И тоже много пью,
И тоже Маргариту
Не очень-то люблю.
Покоя ли бояться,
Когда я наяву
В палате 117
По-прежнему живу!
В окно побарабаню,
Как в комнату его:
— Ты слышишь, мастер, Ваню,
Соседа своего?
Он скажет: «Слышу, слышу,
Готовы кучера!
Ползи скорей на крышу,
Пора, мой друг, пора!»

ЭТО И ТО

Туман венчается на царство,
Ликует пьяная страна.
Теперь рукой подать до рабства,
А там — разруха и война.

Потом в Москве убьют поэта,
Потом помножат боль на сто.
Опять начнётся бой за «ЭТО»,
А «ЭТО» уничтожит «ТО».

Всё тот же фарс раскинет сети,
Родится Карла в бороде...
Всё повторяется на свете:
Позор, потёмки и т. д.

Дьякон

Возле церкви, на Полянке,
Где торговля и разбой,
Не с похмелья, не по пьянке
Плачет дьякон с бородой.
Под усмешки и улыбки
Тех, кто выдержан и крут,
Его слёзы, как улитки,
Во все стороны ползут.
Плачет батюшка воочью,
Плачет долго, словно спит.
Что ты плачешь, милый отче?
— Я всё понял... — говорит.
Он стоит худой, безвестный,
Сам с собою не в ладу.
Но сияет крест наперсный,
Словно праведник в аду.
Кто-то злится и зевает,
Уходя отсюда вон...
Ну, а тот, кто понимает,
Плачет так же, как и он.

* * *

Я устал от тоски. Я не сплю.
Я стою у окна. Замерзаю.
Боже мой! Как я мир не люблю,
Как устройство его презираю!

За окошком сбесившийся век
Пожирает родную планету...
И поверить, что я — человек,
Всё труднее бывает к рассвету.

* * *

Невидимые слёзы,
Как видимые — врут.
Но маленькие грёзы
Ещё в душе живут.
И что-то там лепечут
О славе и любви...
А мир, как красный кречет,
Купается в крови.
И уши зажимаешь
От свежих новостей,
Да так и умираешь
На родине своей.

Провидение

Что же делать, Господи еси?
Разве мы об этом голосили?..
Словно слепок с матушки-Руси,
Приведенье бродит по России.

Как же мне тебе не докучать,
Я ли не молился, не постился?..
Дай же мне отпрянуть, закричать:
— Матушка... Родимая... Рассыпсья!

Видишь, видишь? Смотрит на меня.
Тянет руки к сыну-тугодуму...
Мало, мало, Господи, огня
Дал ты протопопу Аввакуму!

Вот идёт... К порогу моему...
Тихо вырастает из забвенья...
И гляжу я с ужасом во тьму —
В чёрные глазницы провиденья.

Как крапивник, пячусь от дверей,
По дворам собаки цепенеют,
И все тени датских королей
Перед тенью матушки бледнеют.

* * *

Что за жизнь? Спешим, мельчаем,
Таем, словно облака.
Даже смерть свою встречаем,
Как улыбку дурака.

Что за дьявольские сети,
Что за адский пересверк?
Покаянье после смерти,
После дождичка в четверг.

Вспоминаем про обиды,
Ворошим их, не спеша.
На безОБРАЗные виды
Разделяется душа.

В сотый раз бросает тело
Легче старого гнезда...
И летит, как будто дела
Нет до Страшного суда.

Пускай!

Забудь слова, приметы, лица,
И, счёты с миром не сводя,
Попробуй взять и раствориться
В холодных капельках дождя.
Попробуй тихо, неумело
Войти в деревья и ветра.
Пусть без тебя побудет тело
На мокрой лавке до утра.
Пускай тебе легко летится
Над беспризорною судьбой,
Пускай сверчки, цветы и птицы
Легко становятся тобой.
Лети божественным созданием,
Позёмкой лунною пыля,
Когда одним твоим дыханием
Согреты небо и земля.
И пусть, как ниточка, порвётся
Нездешней жизни волшебство...
Но в тело грешное вернётся
Не то, что вышло из него.
Отныне в нём легко и строго
Огонь божественный горит.
Плывёт туман. Пылит дорога.
Звезда с звездой говорит.

* * *

В тиши деревьев, за деревней,
Под свист метели кочевой
И я, Евгений, стану древним,
Как свист стрелы над головой.

Мы полетим над белым свеем,
Сливаясь с гибельным огнём.
И ни о чём не пожалею,
И никого не проклянём.

Но мы запомним час ухода,
Когда родные водку пьют,
Когда весь мир и вся свобода
В обличьа ада предстают.

* * *

Мы Русь ругаем по привычке,
Повсюду грязь и барыши...
Но ехал Чичиков на бричке
В потёмки собственной души.

Нас опоили зельем горьким,
Слепили пыльное клише.
Но дно, увиденное Горьким,
Он видел в собственной душе.

Веками ларчик замыкался,
Но в нём хранили ерунду.
И Данте в душу опускался,
А говорил, что был в аду.

* * *

Я разговор о Боге не веду,
Но, господа, скажите мне на милость:
От грешников, сгорающих в аду,
Кому из вас теплее становилось?

Я выйду вон, напьюсь и упаду,
Но я не Бог, и я не стану злее.
От грешников, сгорающих в аду,
Мне никогда не делалось теплее.

* * *

Хотя б напоследок — у гроба,
Над вечным посевом костей,
Подняться на цыпочки, чтобы
Стать выше проклятых страстей.

Подняться туда, где и должно
Всю жизнь находиться душе.
Но это уже невозможно,
Почти невозможно уже.

Прощевай

Прощевай, моя опушка,
Прощевай, тропа в бору!
Ухожу... Но, словно Пушкин,
Весь я тоже не умру.

Положил себя, как требу,
Я на камушек лесной...
Журавли летят по небу,
Словно ангелы — за мной.

В час распада и распыла
Грешный мир нам не указ.
Не страшусь... Всё это было
И со мною много раз.

Поклонюсь Борису, Глебу...
И над Родиной святой
Буду гром возить по небу
На телеге золотой!

Куручка Ряба

Наталье Бобровой

Старик и старуха у печки сидят,
И тихо о жизни они говорят.
— Земля погибает от крови и зла...
— А Куручка Ряба яичко снесла...
— Река обмелела и лодка сгнила...
— А Куручка Ряба яичко снесла...
— Твой сын куролесит похлеще козла...
— А Куручка Ряба яичко снесла...
— Обрушится небо и Бог упадёт...
— А Куручка Ряба яичко снесёт...
— Да где же снесёт, коли лопнет земля?
— Найдёт, где снести, поперечная тля!
Снесёт под сиренью и возле крыльца...
— Так что же, старуха, не будет конца?
— Не знаю, не знаю... Но ты помолчи...
И молча сидят у горячей печи.
Сидят и молчат под скорлупкой яйца
И нет нам начала, и нет нам конца.

Кто я? Что я?

Небу ль ясному внимаю,
Ветры ль буйные бужу,
Что за жизнь? Не понимаю.
Что за путь? Не разгляжу.

Посреди земного вздора
Поздно азбуку учить.
Я и танца от танцора
Не умею отличить.

Ах, вы, ягоды-цветочки,
Непонятный жребий мой...
Умирая в одиночке,
Я заведу тюрьмой.

* * *

Год за годом. Каждый год
Нет тебя. И карта бита.
Это — выход, это — вход,
Суть разбитого корыта.

Днём и ночью, там, где ты,
Нет ни выхода, ни входа.
Надоело рвать цветы,
Ждать нелепого исхода.

Год за годом тот же сон,
Те же отзвуки бессмертья.
Тихо падает с икон
Пыль прохожего столетья.

В чёрной комнате беда,
Худоба одна худоба.
Тихо тянутся года
От подгузников до гроба.

Днём и ночью... Чёрт возьми!
Всюду морок да изъяны...
Перед тем, как стать людьми,
Долго плачут обезьяны.

* * *

Снова чудный сон не сбывся,
Жизнь застыла на краю.
Я, конечно, опустил ся,
Я порой помногу пью.

Не кори меня, не сетуй,
Не ищи судьбы другой.
Вот порвём мирские сети
И расстанемся с тобой.

Ты не станешь больше злиться
И смеяться невпопад...
И тебе в раю приснится
Человек, попавший в ад.

IV

Квадрат тумана

* * *

Ходит над Волгою розовый слон,
Будда сидит у забытого стога.
Что это? Что это? Жизнь или сон
В тёмном пространстве уснувшего Бога?

Но, если в нём эта птица летит,
Плещется море и светится солнце,
Пусть бедолага подольше поспит,
Кто его знает — каким он проснётся...

Квадрат тумана

1.

И вот я вновь в краю дурмана,
Где мёд течёт по вечерам,
Где по ночам квадрат тумана,
Как мамонт, ходит по горам.

Я жизнь откладывал на завтра
Я видел всю её — в гробу...
Но тьма вошла, как Каларатра,
В мою раскрытую избу.

Блеснув звездой на дне стакана,
Она спросила: «Знаешь сам,
Что по ночам квадрат тумана,
Как мамонт, ходит по горам?».

«Прости, — сказал я, — Каларатра,
Я в этом мире одинок,
Но босоногая Астарта
Плетёт мне свадебный венок!»

Она вздохнула: «Рано, рано
Судьбу распарывать по швам.
Твой путь лежит в квадрат тумана,
Который ходит по горам».

«Уйди, — сказал я, — Каларатра».
Она вздохнула тяжело:
«Ты жизнь откладывал на завтра,
Оно сейчас к тебе пришло!».

И разошлась стена, как рана,
Упал в траву замок дверной.
Я вышел в ночь. Квадрат тумана
Стоял, как мамонт, надо мной.

«Иди!» — сказала Каларатра.
Я молча выбросил ключи.
И босоногая Астарта
Печально вскрикнула в ночи.

2.

Я вошёл. И сомкнулись прозрачные дверцы.
Я вошёл и увидел бездонную даль.
Под берёзой родник волновался, как сердце,
Журавли пролетали, глотая печаль.

Журавлям отвечала цикада-свистёлка,
Шли бизоны и страусы на водопой.
И к ногам моим зябким бегущая Волга
Намывала негромко песок золотой.

Невесомо бежали мурашки по коже,
Сок берёзы стекал, словно воск со свечи.
Я увидел, что мать моя очень похожа
На Астарту, кричащую где-то в ночи.

Улыбался подсолнух и бабушка Ванга
Улыбалась слезами, как дождь-росинец.
И у места слияния Волги и Ганга
Для меня возводили хрустальный дворец.

На ветвях наливались янтарные фиги
Мельхиоровый аист гулял по волнам.
И стояли на полке те самые книги,
Что когда-то я буду писать по ночам.

Я увидел пустыни и даль океана,
Поклонился земным и небесным богам,
И очнулся, и вскрикнул в квадрате тумана,
Уходящего в ночь по холодным горам.

Засмеялась опять надо мной Каларатра,
Уронила с ноги золотой башмачок.
И упал я в цветы, из которых Астатра
Мне недавно сплела обручальный венок.

* * *

Я — Артур, царь небесных сот,
Мой мир стоит на капле веры.
Но чёрно-красный крест несёт
Рука прекрасной Гриниверы.

В кругу интриг, измен, вестей,
Я — бог и царь, гроша не стою.
И мир невидимых сетей
Восторжествует надо мною.

Во сне Моргана закричит,
Мой сын вздохнёт в её утробе,
Но Мерлин всё же промолчит
О ядовитом чернотропе.

Я выпью яд чужих утех,
Шагну во тьму из Камелота,
И за спиной услышу смех
Моей жены и Ланселота.

Принцесса

Дворцы ли светят за порошею,
Манит ли омут золотой,
Забудь Принцессу на горошине,
Она не станет жить с тобой.
Твой щит и меч изъела ржавчина,
В твоей кольчуге вьётся дым.
А эта девочка налачена
И пахнет чем-то неземным.
Твой конь скакал в огне и роздыми,
Ты был опорой царей.
Но это облачко на простыни
Не любит запаха коней.
Она — дитя ночного шороха,
Ей не нужны твои узлы.
Она сгорит быстрее пороха
И станет горсткою золы.
И проклянёт тебя, хорошего,
Возненавидит всё твоё...
И станет жизнь твоя горошиной
Под лунной попкою её.

Сольвейг

Тьма последнего приюта.
Жизнь летящая — пустяк.
Есть Пьеро, но нет Пер Гюнта,
Восемнадцать лет спустя.
Между сосен, между ёлок
Верность правит торжество.
Любит он её, но Сольвейг
Не желает знать его.
Снова слышатся ей звуки
Возле окон, у крыльца...
Но для эдакой разлуки
И у Бога нет конца.
Без разгадки и развязки
Снег кружится за окном...
Это Ибсен пишет сказки
Мельхиоровым пером.
Он мороз рисует лютю,
За морозом — снегопад...
И пропащему Пер Гюнту
Не даёт пути назад.
Спят олени и салазки
От луны и до луны...
Это Ибсен пишет сказки,
Затаившись от жены.
Он тетрадь кладёт на столик,
И опять под Рождество
Представляет, словно Сольвейг
Дождается его.

* * *

Надоели уже философские бредни,
Задохнулись в пыли и Вольтер, и Чоран.
А не выпить ли нам мельхиоровый бренди
Или водки, метущейся, словно буран?
Не пора ли нам пить за надежду и веру,
Ведь в твоих, уходящих на север, руках
Сам в себе задыхается трепетный вермут,
Вспоминая цветы на валлийских лугах.
Мы постелим на пол золотые циновки,
Занавесим окошки, и выдох, и вдох...
Наступает пора позабытой перцовки,
Золотой и колючей, как чертополох!
Что нам стоит дожить до креплёных объятий,
Полусладких надежд, до свечи на столе?
Наливай же в стакан незнакомое кьянти!
За тебя! За меня! За любовь на сто лет!
Наливай! Наливай!
Ты качаешь головкой
Разбиваешь бутылки — одну за другой,
И уходишь навеки — той самой походкой,
От которой поэты уходят в запой.

Сон в мёртвой деревне

Разомкнётся мой круг. И опять беспощадные пальцы
Веки Вию подымут. Он выдохнет: — Вижу его!
И почувствую я, что с земли мне уже не подняться,
И увижу всю Русь, где уже моего — ничего...

Ничего? Это бред! Это бред, что приподняты веки!
Я подумаю так. Но за несколько жутких минут
Пожелтеют леса. Вспять рванут почерневшие реки,
И до пояса в землю забитые избы уйдут.

И подумаю я: — Не страшусь, что приспела могила!
Но, родная земля, за какие-такие грехи
Душит так же, как раньше, в полях нас нечистая сила,
Но уже не поют так, как раньше, твои петухи?

И проснусь на лугу, где заря лебеду оросила,
Где под каждой берёзой ключи ледяные журчат...
Ну и сон увидал! Но всё ближе нечистая сила...
О, родная земля, отчего петухи не кричат?

На воле

Будто бы искорка — чайка летает.
Крылья мгновенные гаснут во мгле.
Утро рождается, как умирает...
Что происходит на этой земле?

Что происходит со мной на рассвете,
Да и рассвет ли встаёт надо мной?
Как беспризорники, мысли о смерти,
За руки взявшись, стоят за спиной.

Раньше бы я забросал их камнями,
Всех бы окрестных собак натравил,
Раньше бы я их своими руками
Без сожаления здесь удавил.

Но не могу, не могу разозлиться.
Мысли о смерти — у моря, во мгле —
Светятся тихо, как детские лица...
Что происходит на этой земле?

* * *

Представь — огонь, потом озноб,
И тьму представь, и тишь,
И то, как гвоздь вбивают в гроб,
В котором ты лежишь.

Куда ты, Господи, постой,
Спасенья нет во мгле!
Представь, что это всё с тобой —
Случится на Земле...

* * *

Осень. Долина Чурова.
Дремлет в потёмках Русь.
Я на осла каурого,
Словно на трон, сажусь.
Любо мне царскими кущами,
Через туман и гать
Ехать спиной к грядущему
И на него плевать.

* * *

Я думал — чудится и снится...
Но снова звякнули ключи,
Открылась дверь и половица
Три раза скрипнула в ночи.
Мурлыкал кот, спала собака,
Христос светился на стене...
Но кто-то шёл ко мне из мрака,
Всё ближе двигался ко мне.
Был незнакомец очевиден,
Как трепет листьев под луной...
Я в темноте его не видел,
Но он стоял передо мной.
Стоял над жертвою вечерней —
Высокий, пыльный, как гонец...
И голос был: «Твоим мученьям
Я положить пришёл конец!
Поэт! Ты прячешься от боли,
Твоим сомненьям нет числа...
Но знал бы ты покой и волю,
Когда бы не изведал зла?
Тебя сомнение съедает
И злит неведомая власть...

Но только зло людей скрепляет
И не даёт навек пропасть.
Пусть будет все — цветы и плаха,
Герасим, барыня, Муму...
Без содрогания и страха
Никто не нужен никому!
Да что останется от песен,
Куда девать Девятый вал,
И чтобы значил ты, Телесин,
Над чем бы слёзы проливал?
Живи, поэт, как перст и кукиш,
Вбирай в себя святую ложь.
Пока ты падаешь — ты любишь,
Пока куражишься — живёшь!
Держись, поэт! Не думай спиться,
Побольше думай и молчи!».
И снова те же половицы
Три раза скрипнули в ночи.
С тех пор я жалости не знаю,
И, отводя в сторонку честь,
Святое зло благословляю,
И сам не знаю — кто я есть.

Рана

Евгению Чепурных

Вышел месяц из тумана,
Словно горе из ума.
На столе тетрадь, как рана,
Открывается сама.

Что за ягоды-цветочки,
Что за призрачная вязь?
Отчего в последней строчке
Кровь твоя не запеклась?

* * *

Наследство делят. Всюду давка.
Там — нефть и газ, и антрацит...
Русь умерла. И только травка
Растёт среди могильных плит.
В крови последнего заката,
Где вечность стынет на краю,
Куда теперь идти солдату,
Кому нести печаль свою?
Перечеркнули память хером,
Победный выбросили флаг.
Как было просто в 41-м
Идти и знать, что это — враг.
Как было просто — или-или!
Иди, стреляй, без лишних слов...
А здесь свои своих купили,
И превратили их в рабов.
Всё это с помпой, с фейерверком,
Во тьме, ликующей, как чёрт...
Русь умерла. Осталась церковь,
Но и она теперь умрёт.

* * *

Стоять, стоять на утреннем морозе,
Когда уходит вера насовсем,
Стоять, как сок в поваленной берёзе,
Не зная, кто теперь ты и зачем.
Как в словаре забытом — аз и буки,
Как города и церкви на крови,
Стоять в кругу невидимой разлуки,
Неразличимой веры и любви.
Терять себя. Грозить кому-то пальцем,
Зажечь в саду последний свой костёр,
Смеяться, петь и прыгать святотатцем,
Чтоб ничего не понял режиссёр.
Убить ветра, надежды, мусикии,
Завить петлёй верёвочку строки,
Учиться жить без Бога, без России,
Витиям и пророкам вопреки.
Стоять, когда бессмертия не надо,
Когда сожжён последний мой редут,
Когда мой дед в окопах Сталинграда
Ещё не знает, как нас предадут.
Стоять и знать, что вдали теософы,
И патриарх, и призрачный покров...
Стоять и ждать вселенской катастрофы
Среди других созвездий и миров.
Стоять в снегу, безумие не мерить,
Топтать ногами звёзды и ветра,
Нажать курок, чтоб только не поверить,
Что завтра будет лучше, чем вчера.

Почему

Почему болят в ночи
Переломанные кости?
Почему дрова в печи
Развалились, словно гости?

Почему душа ушла
В измерение другое?
Почему рука тепла,
Если сердце ледяное?

Душа

(По Гейне?)

По улицам дура гуляет.
Опавшей листвою шурша,
Танцует, поёт и не знает
О том, как она хороша.

Не знаю, что будет в итоге,
Но вижу чудесный пролог:
Какой-то дурак на дороге
Целует следы её ног.

Целует — и след пропадает,
С дороги ведёт в облака.
Смешно вам? А дура летает
По небу того дурака.

Зарубки Заболоцкого

1. Могила поэта

В потёмках, за рекой, где чудь отговорила,
Где сжата бесконечность, как бездна кулака,
Смеются пастухи: «Пуста его могила!».
И гонят к водопою ночные облака.

По травам, по земле столетье просквозило,
И буквы возникают на старенькой плите:
«Прохожий, не грусти! Пуста моя могила!
Я в ней не уместился, как речка в решете!».

2. В тумане

Проснуться — в розовом, зелёном,
Опять до утренней звезды
Искать в просторе затаённом
Свои приметы и следы.

Брести по снегу, без дороги
На свет сгоревших снегирей.
Проснуться в холоде берлоги,
Где нет ни окон, ни дверей.

По ледящему безбрежью
Пургой разгуливаться всласть.
В тоску дремучую медвежью
Янтарным жёлудем упасть.

Кричать и делаться стихами,
Ручьями, листьями, травой,
Ходить по небу вверх ногами,
Касаясь сосен головой.

Во тьму, в туманы, за болотца,
Идти туда слепым дождём.
Где Клюев спит, а Заболоцкий
Сидит, как бабочка, на нём.

3. В той стране

В той стране я любил, волновался и пел,
И на бой выходил без кольчуги.
Но никто в той стране никогда не хотел
Ничего узнавать друг о друге.

В той стране я узнал бесконечный удел,
Меня грели подруги и выюги.
Но никто в той стране никогда не хотел
Ничего узнавать друг о друге.

В той стране я конём и страстями владел,
И водил океанские струги.
Но никто в той стране никогда не хотел
Ничего узнавать друг о друге.

В той стране я стрелой через вечность летел
И не знал, что такое недуги.
Но никто в той стране никогда не хотел
Ничего узнавать друг о друге.

Та страна, по высокому небу скользя,
Возвратилась на звёздные круги...
Нам осталась лишь заповедь эта: «Нельзя
Ничего узнавать друг о друге!».

4. Рождество

В памяти воет волчица,
В сердце рождается мрак.
Голод в окошко стучится,
Буря ломает барак.

Пахнет полынью, солодкой.
Люди, таясь в уголке,
Варят собаку с бородкой
В чёрном, как ночь, котелке.

Зона вселенского мрака,
Годы и сны в западне.
Каторжник, съевший собаку,
Лает и лает во сне.

Топчутся судьбы в загоне,
Тьмы наглотаившись сполна.
Рыщет прожектор по зоне,
Словно цепная луна.

Падают звёзды пунктиром
И у подножья креста
Чёрным горячим чифиром
Поит Иуда Христа.

5. Час не ровен

*Что каждое сердце предчувствует час,
Когда оно канет на дно*

Замолчат в сарае гуси,
В темноту уйдет луна.
Снова овцы по Тарусе
Поплывут, как облака.

В конуре уснёт собачка
И прохожая луна,
Как молоденькая прачка,
Притаится у окна.

И, головкою качая,
Станет искоса смотреть,
Как поэт над чашкой чая
Ожидает в гости смерть.

Обрывается тропинка,
Не жужжит веретено.
Жизнь, как чёрная чайинка,
Опускается на дно.

Сон из печки выползает,
Но поэт не верит сну:
Он окошко раскрывает
И зовёт к себе луну.

Снова чайник закипает,
Снова радостно ему.
На земле никто не знает —
Отчего и почему.

От тоски ли, от любви,
От раскрытого ль окна,
Где и час любой не ровен
И любое дно без дна.

6. Небо

Скучно скитаться по датам,
Позднюю славу блюсти...
Есть куда тучам податься,
Некуда небу пойти.

Лошадь по улице скачет,
Девочка машет рукой.
Но не смеётся, не плачет
Домик над черной Окой.

Скоро запечье остынет,
Тени в ночи загалдят,
Пол превратится в пустыню,
Стены листвой зашумят.

Выйдет луна из тумана,
Даль на пороге зевнёт.
Спросит прохожая дама:
— Кто в этом доме живёт?

Скажет соседка в халате:
— Глупая птица! Лети!
Небо лежит на кровати,
Некуда небу пойти!

7. Скворец

*И тонкий свет исчезнувшей земли
Отталкивал рукой неторопливой*

Сквозь Млечный Путь несутся журавли.
Везде простор — ужасный и бездонный.
И тонкий свет исчезнувшей земли
Идёт по небу, словно беспризорный.

Всю жизнь! всю жизнь! — мерцают в темноте,
Огромные невидимые сети.
И сотни лет на призрачном кресте
Смеётся смерть под маскою бессмертья.

Но в роковом преддверии конца,
В невыносимой тоске и круговерти,
Он становился горлышком скворца
И песни пел для вечности и смерти.

Теперь во мне тоска и круговерть,
Но я хочу на родине тоскливой
Гулять в саду, надеяться и смерть
Отталкивать рукой неторопливой.

8. Ожидание

Я слышу голос твой печальный,
Я слышу чаек грустный крик.
В тумане тает день прощальный,
Как пароход на материк.

Какая грусть! Какая проседь
В листве развенчанных берёз...
Как ты могла всё это бросить
На грязь, на дождик, на мороз?

Как ты могла? И замираю,
Подняв повыше воротник...
Я пошутил. Я тоже знаю,
Как убегать на материк.

Плыви же, милое создание,
Плыви меж небом и водой!
По всем законам мирозданья
Мы снова встретимся с тобой.

Ещё чуть-чуть... И станет солнце
Черней, чем беглый пароход...
Мне только верить остаётся...
Ещё полгода... Или год...

9. Ого!

Неизвестно, во имя чего

Это будет — опять и опять...
Но с ночною тоской конокрада
Я уже не пытаюсь понять
То, о чём даже думать не надо.

Выхожу на крылечко — ого!
Застываю над пропастью — боже!
Хорошо на земле — до того,
Что мурашки гуляют по коже!

В колоннадах осенних просек
Провожая гусиную стаю.
Я не знаю, зачем этот снег,
И зачем эти реки — не знаю.

Разливайся, земное родство,
Распадайся, тоска листопада!
И неважно, во имя чего,
И неважно, кому это надо!

Вода протёкшая

* * *

Светились осколки хрустального гнева.
Среди золотых облаков
Печально стояла моя королева,
Любимица мёртвых богов.
И, лёд разбивая — холодный и хрусткий, —
Я падал в бессилии лбом...
Чужое наречие, говор нерусский
Крепчали за нашим окном.
Она задыхалась от злости. И гневно
Кричала со дня бытия:
— Я — дочка Сварога! Я — Марья Моревна!
Почто ты не любишь меня?
Я ей отвечал сиротливо и строго:
— Прости, королева, прости,
От мира отрезана наша дорога,
Нам некуда больше идти!
Она улыбалась. Кусочки инжира
Кусала в ночи голубой...
— Давай, для погибели этого мира
Детей нарожаем с тобой!
Я ей отвечал сиротливо и строго:
— Прости, королева, прости...
От неба отрезана наша дорога,
Им некуда будет пойти!
Она поднималась — волна за волною,
И с небом была наравне.
— Ты будешь сегодня и завтра со мною,
И жизнь свою кончишь во мне!
— Ты видишь? Я всюду. И справа, и слева
Иду, неизбежность крепя...
Я мог бы в тебе умереть, королева,
Но я прохожу сквозь тебя!
И шепчет она сиротливо и строго,
Когда я сажусь на коня:
— Я — Марья Моревна! Я — дочка Сварога!
Почто ты не видишь меня?

Ассоль

Океан за кормою болтался,
Над водою летел альбатрос...
Всё бы ладно... Матрос проболтался,
Проболтался проклятый матрос.

Помутилось кольцо из агата,
Проступила на платице соль...
И всё чаще в объятьях заката
Что-то грустное пела Ассоль.

В золотых предсказаниях рея,
Она снова подолгу спала,
И улыбка счастливого Грея
Изменить ничего не могла.

Снова брызги цветного тумана,
Облака, миражи, голоса...
— Капитан! Капитан! От обмана
Покраснели твои паруса!

Рассыпался по морю багрянец,
Новый мир выходил из огня.
— Капитан! Вы — простой самозванец!
Вы напрасно украли меня!

Прокричала и губки поджала,
Окунулась в знакомый туман...
А потом она в роще лежала
И смотрела в пустой океан.

Океан напевал и качался,
Над волнами летел альбатрос...
Всё бы ладно... Матрос проболтался,
Проболтался проклятый матрос.

Эвридика

Село протянулось от стога до крика.
И там, где я душу терзаю свою,
Всё моет и моет полы Эвридика,
Всё доит и доит корову свою.

Забыты легенды, оплёваны сказки,
Столетия, как люди, идут наугад.
Прости, Эвридика, за чёрные краски:
Орфей за тобою не спустится в ад!

Ланселот

Опять, в любви сгорая,
Среди мирских болот
На поиски Грааля
Поскачет Ланселот.
Без робости и гнева
Исчезнет он в ночи.
И скажет королева:
— Скачи, герой, скачи!
Размыв цветной гуаши,
Воздетый к небу меч...
Он ныне скачет дальше
Былых надежд и сеч.
По лугу, по краалю,
То в росах, то в крови
К небесному Граалю,
К невиданной любви.
Душа его без фальши,
А воля — ого-го!
Он скачет — дальше, дальше,
Всё дальше от него.
Туда, где зреет сева,
Где спрятаны ключи...
И шепчет королева:
— Скачи, дурак, скачи!

Исида

Старый домик похож на зимовье,
На пощечину жалким ролям...
Но Исида сидит в изголовье
И сшивает меня по частям.
После тьмы, после долгой разлуки
На Земле, где рассыпался Сет,
Я целую забытые руки
И глотаю утраченный свет.
Надо мною и звёзды, и слёзы,
На столе — две свечи и букварь.
Я впервые гляжу на берёзы,
На пристывший к окошку январь.
В первый раз я спускаюсь с порога
И у брёвен, у стареньких слег
Осторожными пальцами Бога
Ощуцаю нетающий снег.
Где-то бьют барабаны ненастья,
Где-то скрипки плутают во мгле...
Кто придумал, что глупого счастья
Не бывает на этой Земле?
— Всё бывает, — прошепчет Исида, —
Здесь заштопаем, здесь подотрём...
Пусть весь мир умирает от СПИДа,
Мы с тобой никогда не умрём...
И опять возвращаются звуки,
И опять, где спасения нет,
Я целую забытые руки
И глотаю неведомый свет...

Тристан и Изольда

Наполняется сердце туманом,
Закипает безумная кровь,
Потому что в вине окаянном
Перемешаны смерть и любовь.
Было жарко на палубе, ой да!
Только песня моя не о том...
Пьёт вино золотое Изольда —
Молодое, как утренний гром!
И, лицо запрокинув на рею,
Опускаясь ногами на дно,
Пьёт Тристан недопитое ею —
Золотое, как улей, вино!
Но служанка пробудится, ой да!
Разобьёт опустевший стакан!
Что же ты натворила, Изольда?
Что наделал ты, глупый Тристан?
Я везла не вино, а заразу,
Что живёт и ликует в крови...
Вы увидите небо в алмазах,
Но умрёте от этой любви!
Вот и вся моя песенка, ой да!
А за песенкой зреет туман...
Что же ты натворила, Изольда,
Что наделал ты, глупый Тристан?

Гринивера

Родной! Идущий по песку,
Подвластный времени и гневу,
По золотому волоску
Ты не отыщешь королеву.

Я отведу от нас тоску
И поскачу сквозь снег и лето —
По золотому волоску,
На край утраченного света.

Ты скачешь, памятью пыли,
Туда, где всходит наше солнце...
А если кончится земля,
Дорога в пропасть оборвётся?

О, нет! Под тенью журавля
И под зелёною звездою —
Скорее кончится земля,
Чем путь, назначенный судьбою!

В моём окне погас восток
И журавли лететь боятся...
А если всё — король и бог —
Нас уничтожить сговорятся?

Я стану сталью и огнём.
А если кончится дорога,
Я стану драться с королём,
И перестану верить в бога!

А вдруг не вырваться из пут,
Друзья на помощь не успеют?
И нас с тобою проклянут,
И никогда не пожалеют?

Но и тогда — в аду, в бою,
За чёрым лесом, за отрогом
Весь мир за родинку твою
Отдам я с гибельным восторгом!

И снова — ночью, по песку
Я поскачу с тоской поэта
По золотому волоску
На край утраченного света!

Любить

Любить её. О ней ни слова
Не говорить. Воды не лить.
Любить нелепо, бестолково,
Писать стихи. Не есть, не пить.
Глотать мороз. Рубить поленья,
Скупать шелка на паруса.
Поставить землю на колени,
Склонить пред нею небеса.

Любить, как лезвием по нерву,
Как по сопернику — мечом.
Любить в ней ангела и стерву,
Не понимая, что почём.
Любить в дожде и снегопаде,
В репьях, злословии, долгах,
Как в затонувшем Китеж-граде,
Как на «Титанике» во льдах.

Любить в былом и настоящем,
И с губ сорвать, хоть колесуй,
Во тьме, над Родиной горящей,
Её последний поцелуй.
Забыть измену и обиду,
Сиянье трона во дворце,
Любить Марию и Исиду
В её नेताющем лице.

Любить под небом и под богом,
Под ивой и под черемшой,
Любить меж банею и моргом,
В Ковше Медведицы Большой.
Любить её в огне утопий,
В аду, в ночи на Рождество,
Любить в раю, любить в утробе,
Под крышкой гроба своего.

Любить. В тумане краснотала
Ломать всю ночь серёжки верб,
И понимать, что жизни мало,
Уже идущей на ущерб,
Чтобы любить её, токуя
В ночи, без проблеска огня...
Любить её. Одну. Таковую,
Уже забывшую меня.

Любить на море и на суше.
Терпеть. На бога не пенять.
Отдать ей сердце, песни, душу,
И ничего взамен не взять.
Любить её в волнах потопа,
В опочивальнях всех царей...
Безумно, зло — любить до гроба,
Потом любить — ещё сильнее.

Марья Моревна

Надоели земные мытарства,
И дрожит твоя речь, как вода:
— Если есть тридевятое царство,
Забери меня, милый, туда!
Согревая озябшую руку,
Я тебе отвечаю: «О, да!
Я поймал говорящую щуку,
Она знает дорогу туда!
Я опять за погибшей деревней
На последнем сгоревшем мосту
Назову тебя Марьей Моревной,
И туман в твои косы вплету».
— Забери меня, милый! Здесь щели,
Я не сплю от мышиной возни...
Мы иголку подарим Кощею,
Ты побольше иголок возьми...
И меня забери, Бога ради... —
Говоришь ты и мёрзнешь опять...
И бросаю я в печку тетради,
За тетрадью другую тетрадь.
И в ладонь твою сыплю лекарство,
Золотое, как солнце, драже...
Вот оно — тридевятое царство!
Мы его отыскиали уже...

Откуда?

Я вспоминаю, словно сон,
Как шелест лунного сафьяна,
Тот голос низкий, как поклон,
И тело — полное обмана.
Я вспоминаю все круги,
Всё то же лыко и мочало...
Но за спиной опять ни зги,
И нет конца, и нет начала.
Откуда ты? Я не могу
Припомнить, где мы повстречались?
Как две тропинки на снегу,
Пересеклись и разбежались.
Да кто же ты, чтобы вот так
Бежать ко мне через остуду,
Лететь по дому, как сквозняк,
Роняя стулья и посуду?
Зачем ты смотришь на меня
Глазами тающего снега,
И под уздцы ведёшь коня
С дыханьем вечного побега?
Зачем? Откуда ты взялась,
Пройдя забвеньё роковое?
Какая призрачная связь
Нам не даёт с тобой покоя?
На том и этом берегу,
Подобно ветру и туману,
Я жить с тобою не могу,
И без тебя я жить не стану.
Откуда? Кто ты? Испокон
Идёшь призывно и тревожно...
Но ты, наверное, тот сон,
Который вспомнить невозможно.

* * *

Только свет у зимы,
Только — чистые дали.
Словно дали взаймы
То, что раньше украли.
Мне беда — не беда,
Мне и горе не горе.
Возвратилась вода,
Убежавшая в море.
И мерцали впотьмах
Деревенского клуба
На бывалых губах
Небывалые губы.
А потом, не дыша,
Мы по небу летели,
И светилась душа
В оживающем теле.
Это нечет и чёт
На лице несвободы.
Это полный расчёт
За прошедшие годы.

* * *

И тьма, и свет.... И хата с краю...
Мерцанье вечности в груди...
Не первый раз я умираю,
Не зная, что там, впереди.

Не первый раз вот так несмело
Я разрываю с миром связь...
Не первый раз бросаю тело,
Но всё равно, как в первый раз.

* * *

Люби меня — в мороз, в жару,
Люби меня — за боль, за серость,
За то, что я в тебе умру
Гораздо раньше, чем хотелось.
Люби, когда не надо тел,
Когда имён и лет не надо,
Люби, пока я не успел
Узнать, что выбрался из ада.
Люби мой гнев, мою вражду,
Мои обугленные святцы...
Ведь только я в твоём аду
Хотел бы вечно оставаться!

Подковки

Она была сплошной издёвкой.
А он светился и вздыхал,
И розы поливал перцовкой,
Когда с похмелья подыхал.
Воришка, взятый на поруки,
Литейкой превращённой в ад,
Он говорил: «Дышите, суки!
А я ни в чём не виноват!».
Он утирал украдкой слёзы,
Писал заветные стихи...
И как бы ни было, но розы
Росли быстрее, чем лопухи.
Они цвели в саду и пахли —
Гораздо злей, чем Этуаль.
А Витька жил в одной рубаше
И закалялся, словно сталь.
Он под окном своей Издёвки
Стоял — дурак из дураков,
Мечтая вновь украсть подковки
С её высоких каблучков.
Ему хотелось, как на плахе,
В каком-то смутном далеке,
На палача смотреть без страха,
Зажав подковки в кулаке.
И Витька шёл походкой вора
К уснувшим окнам вновь и вновь,
Забыв, что дочка прокурора
Не помнит первую любовь.

* * *

В час, когда светится солнышко,
Маки горят у плетня,
Только и слышу: «Михалушка!
Ты не разлюбишь меня?».
В среду, в четверг, в воскресенье,
Между прокуренных стен,
Ходит по дому спасение
В платице выше колен.
Ходит родная и светится
Тайной заоблачных сот...
Как же нам выпало встретиться
Между лесов и болот?
Там, где ликующей осени,
Рухнули все миражи,
Ты своё платице сбросила,
Словно прошедшую жизнь.
Сбросила платице около,
Между снегов и дождей...
Девочка, женщина! Облако!
Вот моё сердце — владей!
Всё принимаю... Пожалуйста...
Всё — до последнего дня...
Только бы слышать: «Михалушка!
Ты не разлюбишь меня?».

Хорошо

Снегири мои, зяблики, вороны,
Туготравье и батюшка-лес,
Хорошо, когда каждому поровну
Достаётся земли и небес!

Хорошо мне от тихого дождика,
Хорошо, что у храмов и слег
Для святого отца и безбожника
Одинаковый сыплется снег.

Хорошо, что берёзы не бедствуют,
Не злословит речная вода,
Что душа моя с небом соседствует
И сливается с ним навсегда.

Хорошо, что с холодного пёнышка
Можно в небо смотреть без помех,
Где моё заповедное солнышко
Поднимается сразу для всех!

Сентябрь

Тихо-тихо на дворе.
Ни шагов, ни листопада...
Вот и славно! В сентябре
Ничего душе не надо!

Утро. Озеро. Ташла.
Паутинка пролетела...
Слава Богу! Жизнь прошла.
Даже там, где не хотела.

Панихида... Торжество...
Провожая, принимаю...
В жизни вашей ничего
Я теперь не понимаю.

Выхожу во двор. Дышу.
Птичьи стаи провожаю.
Тихо листья ворошу,
Но уже не поджигаю.

Тихо листья ворошу,
Клён мне веткою кивает.
Так живу я. Так дышу.
Что ещё со мной бывает?

Пью водицу, хлеб жую,
Да в лесу, где дуб чернёный,
Золотую цепь кую
И пою, как кот учёный!

Я воду ношу

Я воду ношу, раздвигая сугробы.
Мне воду носить всё трудней и трудней.
Но как бы ни стало и ни было чтобы,
Я буду носить её милой моей.
Река холоднее небесного одра.
Я прорубь рублю от зари до зари.
Бери, моя радость, хрустальные вёдра,
Хрусти леденцами, стирай и вари.
Уйду от сугроба, дойду до сугроба,
Три раза позволю себе покурить.
Я воду ношу — до порога, до гроба,
А дальше не знаю, кто будет носить.
А дальше — вот в том-то и смертная мука,
Увижу ли, как ты одна в январе
Стоишь над рекой, как любовь и разлука,
Забыв, что вода замерзает в ведре...
Но это ещё не теперь, и дорога
Протоптана мною в снегу и во мгле...
И смотрит Господь удивлённо и строго,
И знает, зачем я живу на Земле.

* * *

Нет, не напрасно сердце билось
И след стекал с карандаша.
Чем меньше тело становилось,
Тем больше делалась душа.

И вот — под шорох звездопада —
Настал неведомый черёд:
Мне ничего уже не надо,
Я чист и холоден, как лёд.

Судьба, конечно же, не память,
А та — безбрежная вода,
Где можно плыть и таять, таять,
Без слёз, без злости, без следа.

* * *

Загорится огонь на реке.
Я к окошку пристыну — откуда?
То ли что-то маячит в зрачке,
То ли это небесное чудо?

В самой чёрной ночи ноября,
Утонувший навеки, как Китеж,
Я напрасно смотрю на тебя,
Ты меня всё равно не увидишь.

Выйду к чёрной реке. Опущусь
На холодную лодку Харона.
Я не мёртвый, я только учусь
Умирать без прощального стога.

Чужие стихи

Будто бы хлынула ночь из ковша!
Будто звезда под водой зашипела!
Счастья такого не знала душа,
Боли такой многовато для тела.

Что за мгновения? Что за грехи?
Чьё это пламя во мне полыхает?
Падают с неба чужие стихи,
Прямо к столу океан подступает.

Беглые строки ложатся в тетрадь,
Мысли и страсти — из прошлого века!
Значит и там продолжает страдать
То, что останется от человека?

Чей это промысел, что за слова?
Что за сокровища Тутанхамона?
Сладок, пленителен миг воровства
Целой Вселенной и тихого Дона!

Голос с небес отвечает: «О, да!
Нет для поэта людского суда!».

VI

Диктовки
Артура Рембо

«Начало невероятным событиям положила зима 2003 года, когда за три месяца я написал две повести, три пьесы и более ста стихотворений. И всё это было написано как бы не мною, а под диктовку свыше. Я не мучался над словом, не пытался сказать красиво, а просто записывал строки, падающие с неба. Всё это было так просто и буднично, что даже самые восхитительные стихотворения не волновали и не радовали меня. Казалось, что я записываю то, что когда-то очень хорошо знал, но потом отчего-то забыл. Но самое удивительное принесла весна. Что-то случилось в оттаявшем небе и вместо близких, узнаваемых строк моя рука стала выписывать нечто совсем странное. Это тоже были стихи, но стихи, несомненно, чужие и даже неприятные мне. Несколько раз я пытался отключиться от неба, пытался заниматься другими делами, но все усилия были напрасными. Дрожащий, наполненный волнением голос продолжал доставать меня везде, где бы я ни был. Я снова садился к компьютеру и покорно записывал слова, властно и непреклонно входящие в меня. И только в начале февраля, когда на бумаге заволновалось, заштормило стихотворение под названием «Пьяный корабль», я понял, что получаю диктовку от знаменитого французского поэта АртУра («Они даже имя моё подменили, чтобы ты не догадался, что я тоже Яр Тур!») РИмбо! (Через год я найду подтверждение этим словам, поскольку в знаменитой и загадочной книге Эжена Канселье «Алхимия» я увижу подлинник стихотворения «Гласные» и под ним стоит подпись поэта — АртУр РИмбо!). Конечно, это может показаться странным, но я, профессиональный поэт, никогда не увлекался европейской поэзией. Ещё со времён вздорной литературной молодости я был убеждён, что любой заурядный русский стихотворец неизмеримо значительнее самого известного западного поэта. Такое своеобразное невежество я пронёс через всю жизнь, но «Пьяный корабль» — слишком известное стихотворение, чтобы пройти мимо него. Я не знаю — лень или усталость, но что-то мешало мне сполна воспользоваться чудесным случаем. О, да, после некоторого замешательства я попытался поговорить с Артуром по душам. Он откликнулся, но времени у него практически уже не было. Говорил он быстро и путано. Я не всё понимал и не всё

слышал, но всё-таки догадался, что он недоволен переводами своих стихотворений на русский язык. К тому же, утверждал Римбо, почти все его стихотворения были исковерканы многочисленными друзьями, редакторами и издателями, некоторые стихи украдены друзьями; во всяком случае, утверждал поэт, «Пьяный корабль» никогда не был напечатан в авторской редакции. И вот теперь, получив возможность, он делает попытку восстановить истинный текст. Конечно же, в течение всего разговора меня разбирало любопытство: почему Римбо выбрал для контакта именно меня, никому не известного русского поэта? Артур ответил, что ему очень близка русская поэзия, в том числе, и моя.

— Что именно? — спросил я. — Можешь назвать несколько моих стихотворений?

— Разумеется! — и голос, льющийся с небес, стал перечислять: «Я очи знал, — о, эти ночи!..», «Последняя любовь», «Она сидела на полу...», «Весь день она лежала в забытии...».

Я обомлел. Это были гениальные стихотворения. Но, увы, принадлежали они не мне.

— Ты шутишь, Артур, — горько засмеялся я. — Ведь это не я. Это Тютчев.

— Разве вы не одно? — как-то очень просто, по-детски, спросил Римбо.

— Ты шутишь, Артур! — сказал я уже сердито.

— Жаль, но ты ещё не проснулся... — послышалось с неба. И на этом контакт оборвался. Несколько последующих ночей я ещё пытался прислушиваться к небесному гулу, звал, задавал вопросы, но ответа не было.

Прошло время. Я не знаю французского языка, я не хочу свертывать диктовки Римбо с его подстрочниками. Принимаю всё, как есть. Вот они — стихи. Его? Мои? Какая разница! Они есть — и этим всё сказано. Остается добавить, что, кроме своих стихотворений, Артур Римбо почему-то продиктовал несколько стихотворений своего старого грешного друга Поля Верлена. Вот и всё. Предлагаю познакомиться с некоторыми стихотворениями, упавшими с неба».

Из книги М. Анищенко «А — RAMAS»

Сестра милосердия

Не муж, а мальчик с ясными очами,
Обмытый при рождении росой,
Какой княжне ты видишься ночами,
Какой царевне снишься под луной?

Твоя мечта, как чудное мгновенье,
Летит, сияя грудкой снегиря.
И чудный гнев, и тайное волненье
Живут в тебе, как реки и моря.

Всего-то шаг до веры и бессмертья,
Но этот шаг длиннее, чем река.
Одна она сestroю милосердья
С тобою быть решится на века.

Она верна. Но женщина земная,
Как будто кошка, смотрит за порог.
Она сбежит — раздетая, босая,
Ей ни к чему бессмертие и Бог.

А если ты надеешься на чудо,
И бросишься к ногам её, любя,
Она в трясине похоти и блуда
Утопит всё, что было у тебя.

Она — вода, сбежавшая из шлюза,
Она — трава по имени волчец.
Беги, малыш! Заплаканная Муза
С тобой пойдёт сегодня под венец!

Оплачь погибших — Веру и Надежду,
Оплачь сестёр, ушедших в никуда.
Сними с себя все маски и одежду,
Живи, как лес, как небо и вода.

Живи один, как облако в кадлушке,
Как звук молитвы, канувшей на дне.
Иначе вновь всё те же побрякушки,
Всё те же нитки на веретене.

Всё те же перепутья и пролетья,
Обрывки сумасшествия и сна...
Пусть станет смерть сестрою милосердия,
Она всю жизнь была тебе верна.

Роман

1.

Семнадцать лет томленью нет конца!
В одну весну впадают эти годы.
В ночном кафе — прохожие сердца
Не ведают покуда непогоды.

Где жизнь? Где сон? Где истина? Где я?
Не в этом суть. Не будем дураками.
Шипенье пива слушайте, друзья!
В когтях орла змея под облаками.

2.

Цветной туман — везде и навсегда.
Какой простор повсюду безысходный!
В пивном бокале жёлтая звезда
Спешит предстать звездой путевой.

Семнадцать лет по грёзам, по весне!
Душа сама пробойны латает.
А поцелуй, свершившийся во сне,
Летучей мышью мимо пролетает.

3.

Цветной туман. И снова сон во сне.
И девушки взлетают, словно духи.
Глазами феи станут при луне
Глаза идущей мимо потаскухи.

Луна! Луна! Куда же вы, куда?
Мадмуазель! Мне снятся ваши руки!
Я не смогу забыть вас никогда,
Я даже дня не вынесу разлуки!

4.

Любовь, любовь! Зачем же так темно,
Зачем насмешки сушатся в конверте?
Не лучше ль пить то самое вино,
Что пьют всегда влюблённые до смерти?

В ночном кафе забудется беда,
Не будет жизнь казаться безысходной.
И жалкая промокшая звезда
Не сможет стать звездой путеводной.

Церковь. 1871

Когда опять здесь стадо соберётся,
Глаза и юбки низко опустив,
Из-за кулис божественных прольётся
Из века в век заученный мотив.

Опять зажгут заплаканные свечи
И на земле забытые рабы
Начнут клонить измученные плечи,
Начнут крестить безжизненные лбы.

И так всегда — зарёванные бабы
Суют детей раскрашенным богам,
Юродивые ползают, как крабы,
Грозят каким-то призрачным рогам.

Пропахшие прокисшими супами,
Старухи деревянные до пят,
За смрад души, изъеденной клопами,
За всё, за всё Христа благодарят.

За всё, за всё — за слёзы и увечья,
За слепоту, за пролитую кровь,
За немоту, за проруби злоречья,
За веру, утопившую любовь.

И так всегда — от века и до века.
Кромешный ад ликует неспроста.
Я не нашёл живого человека
У бледных ног распятого Христа.

Одни попы, качая животами,
Плывут в дыму придуманного дня.
Дорога в ад — усыпана цветами,
Растущими из вечного вранья.

Вблизи от храма птицы не летают,
Не пьют жуки студёную росу.
Здесь даже с клёнов листья опадают
На две недели раньше, чем в лесу.

Забывшие

Они прижились у подножия правил
Они научились подолгу молчать.
Круги под глазами, как будто поставил
На каждую морду антихрист печать.

Как ртуть тяжелы ядовитые чресла,
Глаза, как гнилушки в могильной черни.
Их кожа становится кожей кресла,
Но кожу меняют, как змеи, они.

Они, как грибы на жаре, пропадают,
Зелёная плесень им красит виски.
Когда они дышат — цветы опадают
И жабы кричат от безумной тоски.

Они управляют делами мирскими,
Они не выносят ветров и невежд.
Тяжелые папки лежат перед ними,
Как будто гробы для убитых надежд.

Смердящие млеют в объятиях лени,
Улитки, как слёзы, ползут по щекам.
Болотную ряской покрыты колени,
Лишайник ползёт по холодным рукам.

Но, если придётся им встать над собою,
Когда вы случайно войдёте в их сон,
Они станут яростью, пульей, метлою
И подлостью низкой, словно поклон.

Бегите, бегите скорее, бедняжки,
Забывших о жизни живые не злят.
А то их медали, погоны и пряжки
Любого заблудшего испепелят.

Блеснёт в темноте золотая коронка,
Слепого презрения хлынет поток
И вас поглотит вихревая воронка,
И сделает пеплом невидимый ток.

Потом, как огромные чёрные птицы,
Опустятся снова они на места.
Но будут их мёртвые губы кривиться,
Как губы упавшего с неба Христа.

А позже, оттаяв уже, на закате
За вечным безмолвьем высоких столов
Приснятся им рай и резные кровати,
И кресла из меха седых облаков.

Приснятся им девочки в солнечном небе,
И руки, и губы, кричащие «Да!»,
Но член, как засохший соломенный стебель,
Не встанет над ними уже никогда...

Вечерняя молитва

Мой ангел чуть живой под бритвой брадобрея,
Мой бес сидит в пивной, ругая небеса.
Но ветер молодой, как родственник Борея,
Разбил в пивной все окна и поднял паруса.

Я встал, когда всё спят, и вышел на дорогу,
Я пыль стряхнул с души крапивою лесной.
И звук моих шагов смешал все карты Богу
И осень обернулась растерянной весной.

Раскрылся гнев небес, очерилась досада,
Ударил где-то гром и вздрогнули леса.
Я брюки расстегнул и в двух шагах от ада
С огромным облегченьем пописал в небеса.

Спящий в долине

Опять заря на озере пирует,
Вчерашний дождь за холод не коря.
И всё блестит, всё дышит и чарует.
Бог любит всех — героя и червя.

А под зарёй, под облаком, под небом,
Затерянный в весёлых васильках,
Лежит, пропахший порохом и хлебом,
Мальчишка с удивлением в глазах.

Ему берёзы делают поклоны,
Сухой репей роняет на погоны
Колючие крупницы янтаря.

Засохла кровь на розовой рубашке.
Вонзились в раны черви и букашки.
Бог любит всех — героя и червя.

Ощущение

Быть может, быть может, один только вечер...
Быть может, сейчас упадут небеса...
О, к чёрту все изыски, к чёрту все речи!
Пусть солнце погаснет, но светит роса.

Дрожащие губы! — ни слова, ни звука!
Быть может, один я живой на земле...
О Господи боже! Какая же сука
Придумала это в космической мгле?

Алмея

Под юбкою ветер! О, ты ли, Алмея,
Летишь над землей, умирать не умея?
Куда ты? Куда ты, моё божество?
Там город, там люди.... Там нет ничего!
А здесь — посмотри — никакого диктата,
И солнце погасло, как глаз у пирата.
Алмея, вернись. От неслыханной боли
Мы сможем сыграть небывалые роли!

Брюссель

Уснули клумбы и бульвары.
Вернулись зяблики в гнездо.
В пески измученной Сахары
Пролился дождик из Бордо.

Сидеть бы, петь на этой ветке,
Качать пушистой головой...
Но я сижу в огромной клетке,
Закрытый собственной вдовой.

Мне недоступны ливни света,
Дрожит решётка на окне.
И где-то юная Джульетта
Напрасно плачет обо мне.

Прости, Джульетта-Генриетта
Размах невидимых сетей.
Смешная песенка пропета
Во славу розовых чертей.

Мне снится зелень полустанка,
Гитара, канувшая в ночь,
И белокурая ирландка,
Что не хотела мне помочь.

Мне снится замок и застолье,
Где в каждом блюде спрятан яд.
Я умер там, но в этой боли
Наследный принц не виноват.

Бульвар, объятия, измена,
Сиянье обуви и пыль.
Везде одна и та же сцена,
Всё тот же чёртов водевиль.

Молодожёны

Окно закрыто мёртвой синевой,
Среди мешков ни капельки озона.
Блестя губами, смотрит домовой
На вечное бесстыдство кирказона.

Неясный лепет: вуаля, тужур,
Мелькают тени, будто полустанки.
А над постелью бьётся абажур,
Как юбка сумасшедшей африканки.

Дрожащий голос — низкий, как поклон,
Дрожанье глаз за дверцею буфета...
Да как же смотрят ангелы с икон
На счастье невменяемое это?

Ступает чёрт за парой молодой,
Глядит упырь из хлама векового.
В ведре воды хохочет водяной,
Он не видал подобного алькова.

Ущербный месяц плачет в камыше,
Бегут во тьму бродяги-кипарисы.
И темнота. И помыслы в душе
Стихают, как отравленные крысы.

Стихает домик, проклятый во мгле,
Несётся стон из лунного гарема.
И кто-то чёрный ходит по земле,
И горько плачут дети Вифлеема.

Мишель и Кристина

I

Послать бы всё к чёрту. И море, и сушу,
Зелёных и синих, таких и сяких!
Зачем освещать мне пропащие души,
Когда даже солнце не светит для них.

Ягнята в цветах — колдовство пасторали,
В шампанском грозы захлебнулись луга!
Разгар маскарада! Шуты, не пора ли,
Под венчиком бога увидеть рога?

Летят в урагане цветы и солома,
Собака, ворона, речные рачки.
Смеётся пастух. Но, как черти от грома,
Дрожат и кричат под бровями зрачки.

О, Господи боже! При чём здесь солома,
И грязных небес бутафорская честь,
Когда от Солонской земли до Солона
Я вижу, что было, что будет и есть!

О, волчья печаль! Непролитое семя!
Гниют под ногами молитвы-выюнки.
Уходит Европа, уходит, как время,
Склоняют знамёна над нею полки.

Хохочет луна, как безумная лопасть,
И красные всадники мнут облака.
Под каждой песчинкой скрывается пропасть,
И в каждой секунде зияют века.

В крови, на руинах горящего зданья,
На вечные веки, сливая уста,
Мишель и Кристина творят мирозданье
На мертвой иконе Исуса Христа!

II

Сердце не хочет высокого мщенья,
Сердце моё умирает в тиши.
Ад — это рабство под знаком крещения,
Святость — тюрьма для поющей души.

Лезвие мести в тумане ржавеет,
Месяц на небе трясёт животом.
Кто же проснётся во мне и развеет
Пепел Гоморры и город Содом?

Волны взрывные и протуберанцы,
Связи разрушены, пробил ваш час!
Пусть навсегда умирают засранцы,
Вейте им петли из красных лампас!

Ярость, не гасни! Сотри этот глянец!
В каждом окне зарождается тьма.
Буря, гуляй над Монбланами задниц,
Смой, моя кровь, Кордильеры дерьма!

Слюни Европы, Америки ляжки,
Бешенство самки и похоть самца...
Вздогни, вулкан! И, не зная поблажки,
Испепели торжество холодца.

Кодексы жгите, топчите талмуды,
Пусть будет мир никому не знаком.
Пусть пролетают по небу верблюды,
Пусть под землей зарождается гром.

Лыко да мочало — начинай сначала.

Золотой век

Две минуты до рассвета,
Тает льдинкою луна.
Кто я? Что я? Нет ответа,
Только ночь и тишина.

Не бросать мне зёрна в пашню,
Не кормить лесных синиц.
Я карабкаюсь на башню
Скоморохов и блудниц.

Засвистит дыра в кармане,
Запоёт в душе тоска.
Жизнь моя — тростник в тумане
И свирель из тростника.

Где-то в небе анапесты,
Ловят рифму-журавля.
Словно грудь чужой невесты,
Дышит песенка моя.

Поднимаясь на носочки,
Как таинственный Годэ,
В каждой строчке ставит точки
Вместо знаков и т.д.

Бьётся лунная позёмка
Вьюгу кружев теребя.
Как же звонко там, где тонко,
Что-то рвётся у тебя.

Грешный час — орешек грецкий,
По зубам ли страсти он?
Ангел с гордостью немецкой
Строит в небе бастион.

Ходят стражники по краю
Стен, родившихся из стен.
Ангел мой, я умираю,
Я ползу из плена в плен.

Но в порыве отрицанья
Жизнь, похожая на ночь,
Ставит знаки восклицанья,
Многоточия и проч.

Что там слева? Что там справа?
Пыль да мёртвые слова.
Тишина. Луна. И слава,
Словно нож из-за угла!

Ангел мой не затоскует.
Лишь несбыточный Годэ,
Как кукушка, закукует
Роковые и т.д.

Добрые мысли поутру

Тихо машут вдали веера,
Где-то прыгает горстка монет.
Поднимается новый рассвет
Из того, что не сбылось вчера.

Строго следуя нраву игры,
Облака нам дожди подтасуют.
В небо кисти макнут маляры
И меня на земле нарисуют.

Нарисуют дорогу, тюрьму
И дома с удивлёнными ртами,
А ещё — непроглядную тьму
Маляры нарисуют над нами.

Усмехнётся Венера, вздохнёт
Над смешной бутафорией мира,
И опять на столетья уснёт
Чудный зов золотого эфира.

Загниют корешки и вершки,
Завизжат сумасшедшие пилы.
Будут водочку пить пастушки
И на звёзды смотреть из могилы.

Слеза

В дали, что есть за каждой далью,
Где луг поклонный увлечён
Такой немислимоу печалью,
Что на бессмертье обречён;
В дали, где канул след Уаза
И птиц неведомых следы,
Я брошен в яму, как проказа,
Больной и жалкий, без воды.
Стучало сердце: хлеба, хлеба!
Воды хотел рассудок мой.
А мне хотелось, чтобы небо
Валялось в яме подо мной.
Мне облака и звёзды вдали,
Но я один иду во тьму.
Когда б мы вместе умирали,
Я понимал бы, что к чему.

* * *

И плыть, и плыть рекою млечной,
Рекой туманной, подвенечной.
Глядеть, волнуясь, с высоты
На попку девочки-мечты.
Бросать в неё крупницы страсти
И знать, что нет над нею власти.
Сосков груди её касаться
И целый век не просыпаться.
Смотреть, смотреть, как Ариадна,
В прошедший день и видеть завтра.

Последняя оргия

Бушуют вокзалы кровавой ордою,
Бульвары свивают на шее петлю.
Любимый мой город над мёртвой водою,
Я больше волнение твоё не люблю.

Затихли, угасли чудесные звуки,
Повсюду глаза из пределов чужих.
Заученно молятся губы и руки,
Но бомбы качаются в люльках твоих.

Дома из земли выпадают, как грыжи,
Никто не разрубит святого узла.
Умыта слезами дорога для рыжих,
Идущих на биржу вселенского зла.

Всё те же притоны, всё те же повадки,
Кровавая близость последней черты.
Упали иконы, взлетели прокладки,
И залиты спермой усатые рты.

Вечерний канал извивается гадом,
Рыгают лакеи и бляди блюют.
Убитое время шумит листопадом,
Как будто бы ищет последний приют.

Застолье кипит между ног королевы,
Поёт ей осанну слепая кишка.
Министры, козлы, идиоты и стервы
Глотают, как устриц, живые века.

У новых царей — золотая утроба,
У новых блядей — ненасытная пасть.
Нечистые силы поднялись из гроба
А чистые силы им отдали власть.

Бушует и стонет ночная клоака
В сиянии кровью залитых наград.
И воет поэт на луну, как собака,
И в небо плюётся, и просится в ад.

Но вы не ответите вещему гневу,
Всё новые жертвы ложатся на стол.
Вы пьёте вино за Пречистую Деву
И взгляды бросаете ей на подол.

Святая столица — гремучее брюхо,
Всё ближе и ближе последний парад.
Безбожная жизнь, как безумная шлюха,
Вам скоро покажет раздавленный зад.

Ещё ваша царственность не опалёна
Огнём, зародившимся где-то во мгле.
Но будут краснеть голубые знамена,
Как мёртвые раки на вашем столе!

Святая столица — разврат и потреба,
Скрипящий костями ночной эшафот.
Из глаз проститутки поднимется небо
И старое небо на солнце сожжёт.

О, город горбатый, запутанный в сети,
Я верю, я знаю, в канун декабря
Сорвёт твои двери разбуженный ветер
И девочка Слава умрёт за тебя.

Засыплем землёю мы облик венчальный,
Навеки забудем, как девочку звать.
Но вспыхнет огонь в твоём теле астральный
И будет заразу в крови убивать.

Забудется всё: и позор, и обиды,
Вампиры начнут понемногу бежать.
И будут Атланты и Кариатиды
Твоих малышей на ладонях держать.

Святая столица! Лиса и блудница!
Я проклял одежду с чужого плеча.
Но нами с тобой ещё будет гордиться,
Ушедший в художники сын палача.

Пускай впереди и темно, и тернисто,
Пускай ещё сердце и солнце в крови.
Но видишь, на плахе играют горнисты
На струнах надежды, по нотам любви!

Весна надевает цветущее платье,
Разводит рукою остатки тоски.
Из брошенных в землю угроз и проклятий
Поднимутся светлых кровей колоски.

Вот так и шепчу я, отравленный ядом,
И вновь просыпаюсь, где пьют и блюют,
Где жалкое время шумит листопадом,
Как будто бы ищет последний приют.

Гласные

А рождается в белой постели,
В непроглядный для зрения час.
Букву Е одевают метели
В беспросветный почти что атлас.

Но потом, когда Е повзрослеет
И впервые приблизится к И,
Её трепетный лик заалеет
В ожидании первой любви.

Буква И закричит и проснётся,
И за Е побредёт наугад,
И увидит забытое солнце,
Как стоящий на плахе солдат.

Буква У из пещер малахита
Сотни лет выбиралась на свет.
Сердце У на осколки разбито,
Но ей ведом волшебный завет.

Ей известны бессмертные травы,
Шум прибоя и звон родника,
Но она на мерцание славы,
Как богиня, глядит свысока.

Буква О — журавлиные трубы,
Утонувший в тумане гобой.
У неё зацелованы губы,
Но она не знакома с тобой.

Буква А между тем постарела,
Завязала потуже корсет
И легко, как оса, полетела
В золотой королевский клозет.

А Омега, скрываясь в потёмках,
Поправляла чулки и вуаль,
И смотрела глазами ребёнка
В золотую и синюю даль.

Быть бы ей безрассудной и грешной,
Но она на мгновение одно
Родилась под звездой сгоревшей
И упавшей на самое дно.

Вот и все откровенья успеха.
Вот, поэты, начало начал.
В Е скрывается Э, словно эхо,
Но об этом Рембо умолчал.

Искусство поэзии

Быть может, в этом всё и дело
Что вновь душа опьянена,
Что ты забыл в кровати тело,
С которым счастлива жена.

Иди в приют, где, как бродяжки,
Слова, залитые вином,
Смеются, плачут, рвут рубашки
И поднимают пыль столбом.

Иди, смотри в глаза и щёлки,
Осколки счастья собирай.
Там страсти рыщут, словно волки,
Там льются слёзы через край.

Там сбиты смыслы, как коленки,
И синеглазый майский гром
Плохие рифмы ставит к стенке
И рубит штампы топором.

Там не дают к столу отжимки,
Прокисший смех, остывший крик.
Оставь мартышкам все ужимки,
Верни в гримёрную парик.

Пускай скрипит янтарный гравий,
Пусть дым риторики горчит.
Беги, беги от мёртвых правил,
Плыви во тьму, как белый кит.

Верни индейцу побрякушки,
И на опушках облаков
Оставь для мальчиков хлопушки,
Как звон кандалных бубенцов.

Иди, иди! Не прекословь,
Руби концы, руби начала!
Всё начинается сначала:
И вдохновение, и любовь!

Конечно, можно без сумбура,
Без белых стенок и китов.
И в словаре хватает слов...
Но это всё — литература.

Разлад

Дожди ниоткуда,
Тропа под уклон.
И снова остуда
Уводит в полон.

О смерти судачу,
От жизни таюсь.
То радостно плачу,
То горько смеюсь.

Весна без ответа
И лето — пусто.
И то мне не это,
И это не то.

Вот так и остуда,
Идёт без следа:
Не знаю — откуда
Не знаю — куда.

Содержание

Евгений Евтушенко. Венечка Ерофеев из Самары3

I. Час неровен

Калейдоскоп	6
Девятое ноября	7
1955 год	8
Пришествие.....	9
Первый снег	10
Рубеж.....	11
Не за то.....	12
Спасибо	13
1666-1999	14
«Я должен вспомнить об отце...»	15
Чары Чуровой Долины	16
Русь отражённая	18
Спасение	19
Очень печальное стихотворение	20
Корешок.....	21
Огонь	22
Приговор	23
Гоголь	24
«Уйти от позднего веселья...»	25
«Не кричите, мои пароходы...»	26
Преображение.....	27
«И в этот год нам нет прощенья...»	28
«Обросла столица мхами...»	29
Равновесие.....	30
Половодье.....	31
Ташла	32
«Какая странная пора...»	33
Магдалина	34
«Боже правый! Пропадаю!..».....	36
Родине.....	37
Поморы	38
«В доме моём ничего не осталось...»	41
«Россия, Русь! В тоске величья...»	42

II. За милую душу

«Слова забываю. И путаю числа...»	44
Марианна.....	45
Кольцо.....	46
Ты помнишь.....	47
Ожидание	48
«Изба моя.. Поленница...»	49
Оберег	50
За всё, за всё.....	52
Элегия	53
«Побудь со мною после слов...»	54
Богородка	55
Цветок фламбуайна.....	56
«Стихи летучие, как дым...»	57
«Ушёл без нас последний омик...»	58
«С похмелья минута длиннее, чем жизнь...»	59
Пошлое стихотворение	60
Искушение	62
«Концы с концами не сведу...»	63
Но если.....	64
Седьмая печать	65
Чёрная трава	66
Колыбельная	67
«И снег, и дождь... Растерзанный причал...»	68
Бегство	69
Звезда.....	70

III. Вода потёкшая

В поезде.....	72
Усмешка Парижа	73
Талан	74
Пелёнка.....	76
Запомни	77
Завтра.....	78
«Укрощённые стихии...»	79
Шинель	80
«Вернись, вернись, Христос! Куда ты?...»	81
Капитан.....	82
Навалилась усталость	83
Пропасть	84
Поезд №1	85
«Только слышится ночью осеннею...»	89
Любите всех.....	90
«Отрывается звук контрабаса...»	91

Пора.....	92
ЭТО и ТО	93
Дьякон.....	94
«Я устал от тоски. Я не сплю...»	95
«Невидимые слёзы...»	96
Провидение	97
«Что за жизнь? Спешим, мельчаем...»	98
Пускай!.....	99
«В тиши деревьев, за деревней...»	100
«Мы Русь ругаем по привычке...»	101
«Я разговор о Боге не веду...»	102
«Хотя б напоследок — у гроба...»	103
Прощевай	104
Курочка Ряба.....	105
Кто я? Что я?	106
«Год за годом. Каждый год...»	107
«Снова чудный сон не сбылся...»	108

IV. Квадрат тумана

«Ходит над Волгою розовый слон...»	110
Квадрат тумана	111
«Я — Артур, царь небесных сот...»	114
Принцесса.....	115
Сольвейг.....	116
«Надоели уже философские бредни...»	117
Сон в мёртвой деревне	118
На воле	119
«Представь — огонь, потом озноб...»	120
«Осень. Долина Чурова...»	121
«Я думал — чудится и снится...»	122
Рана	124
«Наследство делят. Всюду давка...»	125
«Стоять, стоять на утреннем морозе...»	126
Почему	127
Душа	128

Зарубки Заболоцкого

1. Могила поэта	129
2. В тумане	130
3. В той стране	131
4. Рождество	132
5. Час не ровен	133
6. Небо.....	134
7. Скворец	135
8. Ожидание	136
9. Ого!	137

V. Вода протёкшая

«Светились осколки хрустального гнева...»	140
Ассоль	141
Эвридика	142
Ланселот	143
Исида	144
Тристан и Изольда	145
Гринивера	146
Любить	148
Марья Моревна	150
Откуда?	151
«Только свет у зимы...»	152
«И тьма, и свет... И хата с краю...»	153
«Люби меня — в мороз, в жару...»	154
Подковки	155
«В час, когда светится солнышко...»	156
Хорошо	157
Сентябрь	158
Я воду ношу	159
«Нет, не напрасно сердце билось...»	160
«Загорится огонь на реке...»	161
Чужие стихи	162

VI. Диктовки Артура Рембо

Сестра милосердия	166
Роман	168
Церковь. 1871.....	170
Забывшие	172
Вечерняя молитва	174
Спящий в долине	175
Ощущение	176
Алмея	177
Брюссель	178
Молодожены	179
Мишель и Кристина	180
Золотой век	182
Добрые мысли поутру	184
Слеза.....	185
«И плыть, и плыть рекою млечной...»	186
Последняя оргия.....	187
Гласные.....	190
Искусство поэзии.....	192
Разлад.....	194

Михаил Всеволодович Анищенко

КВАДРАТ ТУМАНА

Стихи

Самарская областная писательская организация
искренне благодарит за поддержку и помощь
в реализации проекта

«Народная библиотека Самарской губернии»

***Ольгу Васильевну Рыбакову,
Павла Васильевича Мазеева,
Руслана Сергеевича Асташкина***

Книга издана за счёт средств бюджета Самарской области

Руководитель проекта

«Народная библиотека Самарской губернии»

Александр Громов

Издание подготовлено издательством

«Русское эхо»

Самарской областной писательской организации

Адрес: 443001, г. Самара, ул. Самарская, 179,
телефон (846) 333-48-01

Подписано в печать 01.12.2007. Формат издания 84x108/₃₂.

Объём 10,55 печ.л. Гарнитура Georgia. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Тираж 700 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Книга»

г. Самара, ул. Песчаная, 1, офис 404, телефон (846) 267-36-82